

Сюзан Руа

После грозы

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Сюзан Руа
После грозы

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2014

УДК 821.133.1(71)
ББК 84(7Кан=Фра)

Руа С.

После грозы / С. Руа — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2014

ISBN 978-6-17-121349-4

Кажется, Шарлотте никогда больше не быть счастливой, без Алекса Эванса у нее просто нет на это права. Как нет слов, чтобы описать чувство, взаимное чувство, связавшее ее с другим Эвансом — Карлом. Он боится предать память брата, она — отца своего будущего ребенка. Шарлотта ведь так и не успела рассказать Алексу о беременности... Готовы ли они отпустить прошлое?

УДК 821.133.1(71)

ББК 84(7Кан=Фра)

ISBN 978-6-17-121349-4

© Руа С., 2014
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2014

Содержание

Об авторе	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сюзан Руа

После грозы

© Bragelonne, 2014

© Shutterstock.com / Vla-dyslav Spivak, обложка, 2016

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2016

Об авторе

Большая любительница чтения и законченный гик¹, Сюзан Руа живет в Монреале, первом по величине городе канадской провинции Квебек. Дипломированный специалист в области литературы и коммуникаций, она преподает дисциплину «цифровые средства передачи информации». Круг литературных пристрастий Сюзан очень широк, однако особенно ее интересуют произведения романтического жанра.

Взявшись за перо в 2009 году, она написала множество историй с увлекательным сюжетом и персонажами, способными вдохновить.

Узнать о планах этого прекрасного автора и пообщаться с ней вы сможете, посетив ее блог: <http://blog.idmuse.net>.

¹ Гик (англ. geek) – человек, чрезвычайно увлеченный какой-либо узкой темой. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Глава 1

Несчастный случай

С того дня, как Алекс попал в аварию на мотоцикле, я практически не выхожу из больницы. Смутно помню, как звонила его матери в Англию и сообщала эту новость. Замечательный у нас получился разговор: «Здравствуйте, миссис Эванс! Это Шарлотта Дион. Ваш сын в больнице, в коматозном состоянии...» – пробормотала я по-английски. Вышло невнятно – так у меня дрожал голос, – но, думаю, она поняла, что случилось что-то серьезное, когда я разразилась рыданиями. Меньше всего на свете мне хотелось сообщать ей такое печальное известие и при таких обстоятельствах, ведь это был наш первый разговор, но все случилось так быстро...

Как только доктор сказал, что прогноз неутешительный, Жан посоветовал мне позвонить родным Алекса. «Они должны знать! – повторял он. – Что, если...»

Я закатила ему истерику. Как это можно – предлагать мне представить худшее? Алекс – здоровый молодой мужчина, он будет бороться за жизнь и, конечно же, выйдет из комы! Всю ночь я умоляла его вернуться ко мне, говорила о том, как он мне нужен, но Алекс так и не проснулся, поэтому я решила позвонить его родственникам. Сказала себе, что голос матери, может стать, вернет его к реальности. И вместе у нас будет больше шансов удержать его в этом мире.

При таких неординарных обстоятельствах в маленьком приемном покое монреальской больницы Ройял-Виктория я знакомлюсь с Брендой и Карлом Эвансами. Миссис Эванс, которая меня совсем не знает, бросается мне на шею и начинает благодарить за то, что я сообщила ей о трагедии. По-французски она говорит с выраженным британским акцентом.

– Как он себя чувствует?

– До сих пор в коме, – грустно отвечаю я. – Никаких изменений.

Мне тяжело в очередной раз это повторять. Я опускаю голову, чтобы скрыть слезы, но моя без пяти минут свекровь спешит меня обнять и утешить. Не знаю, откуда у нее столько доброты по отношению к совершенно незнакомой девушке. Но чувствовать на плече ее теплую руку мне очень приятно. На несколько минут я замираю, а потом вдруг вспоминаю, что времени остается очень мало: у Алекса всего три дня, чтобы выйти из комы без последствий.

К разговору подключается Жан. Он повторяет слова доктора: если Алекс очнется, многим элементарным вещам ему придется учиться заново, но я сердитым взглядом заставляю его замолчать. Главное – это чтобы Алекс вышел из комы. Чтобы он остался жив. Вряд ли кто-нибудь это замечает, но я постоянно молюсь. Вот и теперь я секунд на десять закрываю глаза и мысленно повторяю: *«Господи, сжался, не забирай его у меня!»* Если Бог есть, Он не может быть настолько жестоким: я не сделала ничего плохого, никогда ничего у Него не просила. Алекс – это все, что есть у меня в целом мире.

По первой же просьбе я веду Бренду и Карла в палату интенсивной терапии, но порог переступаем только я и миссис Эванс. Карл растерянно замирает перед окошком в двери, через которое видна кровать и лежащий на ней Алекс. Я подвожу Бренду к постели. Я догадываюсь, как ей больно видеть сына в таком состоянии – его лицо, лишенное всякого выражения, расцарапано и в синяках, на голове белая повязка, которую уже следовало бы сменить, тело подключено к многочисленным аппаратам, в том числе к прибору искусственного дыхания, благодаря которому грудь Алекса мерно поднимается и опускается. Неприятный шум прибора заглушает всхлипывания Бренды.

Я остаюсь рядом с ней до тех пор, пока она не привыкнет к тяжелому зрелищу, но стоит ей присесть на стул для посетителей и взять Алекса за руку – я ухожу. Не хочу видеть ее горе,

да и Бренде наверняка будет легче, если она будет знать, что никто за ней не подглядывает. С Алексом они не виделись больше трех лет. И, насколько я поняла, их отношения нельзя было назвать теплыми. Неидеальное время и место для примирения, но так уж получилось... Я иду по коридору к Карлу. Он стоит у окна в приемном покое и смотрит на огни города.

– Ты тоже мог бы зайти к Алексу, – говорю я, когда между нами остается пара шагов.

Карл неопределенно кивает, словно еще не решил, хочется ему этого или нет. И я его понимаю. После смерти матери я возненавидела больницы. В этих белых стенах меня одолевают ужасные воспоминания. И если бы Алекс не лежал сейчас в одной из палат, меня бы здесь не было.

– Не уверен, что он хотел видеть меня, – произносит Карл на корявом французском.

Пронзительный взгляд его зеленых глаз останавливается на моем лице. Думаю, Карл хочет услышать от меня что-то ободряющее. А в самом деле, захотел бы Алекс увидеть брата после стольких лет?

– Не думаю, что это... имеет сейчас значение, – отвечаю я после паузы.

Как знать, слышит нас Алекс или нет, там, где он теперь находится? Как знать, присутствует ли он в своем неподвижном теле? Это страшно – понимать, что он рядом и в то же время так далеко. Слеза скатывается по моей правой щеке, и я спешу ее смахнуть. В знак утешения Карл кладет свою тяжелую руку мне на плечо. Я была бы рада перестать наконец думать о себе и найти обнадеживающие слова для родных Алекса, но мне это не удастся. Это непросто после двух бессонных ночей, проведенных в больнице в ожидании момента, когда доктор соизволит сказать хоть что-нибудь о состоянии своего пациента... И что же он сообщает? Что во время первой же операции Алексу стало хуже и он впал в кому. И что нужно набраться терпения и надеяться.

– Алекс о вас рассказывал, – внезапно говорит Карл.

Он берет мою руку и легонько проводит большим пальцем по подаренному Алексом колечку.

– Как давно вы помолвлены?

– Уже три месяца, – шепотом отвечаю я, и у меня в горле встает комок.

Я не смотрю на него. Да и зачем? Разве я здесь для того, чтобы рассказывать о нашей помолвке? Разве я не теряю драгоценное время на разговоры, вместо того чтобы молиться за Алекса, молиться о том, чтобы он выжил несмотря ни на что? Он должен вернуться! Мы вдвоем должны были встретиться с его родными и сообщить им приятную новость, вдвоем должны были поехать в Англию... *«Алекс, проснись!»* – умоляю я снова и снова. Потому что знаю: одна я не справлюсь.

Карл отпускает мою руку и идет к палате брата, но почему-то опять останавливается у двери. Может, не хочет беспокоить мать или же страшится зрелища, которое ждет его с той стороны? Бренда выглядывает в коридор и делает ему знак войти. Вместе они исчезают в палате, а мне остается лишь надеяться, что их голоса пробьются в сознание Алекса.

Рядом беззвучно появляется Жан. Он смотрит на огни города, как это только что делал Карл. Думаю, Жан просто хочет напомнить мне о том, что он рядом, – на случай, если у меня появится желание с кем-то поговорить. Но мне сейчас не до того: я молюсь.

Не проходит и пяти минут с того момента, как Карл вошел в палату, – над дверью загорается лампочка. У меня обрывается сердце. Это значит, что-то случилось. Ноги реагируют раньше, чем голова, и я бегу туда. Но медсестры не пускают меня в палату, и я издали вижу, как тело моего нареченного содрогается в конвульсиях. В комнату входят какие-то люди, а меня и членов семейства Эванс, наоборот, прогоняют. Я смотрю попеременно то на Бренду, то на Карла, ищу хотя бы тень надежды.

– Что случилось? – в страхе спрашиваю я.

– Ничего, – отвечает Карл со слезами на глазах.

– Он просто начал... всем телом... неожиданно...

Жестами Бренда пытается изобразить, что же случилось с Алексом. Мне становится очень страшно. С тревогой в голосе я продолжаю их расспрашивать:

– Он очнулся? Он хоть что-нибудь сказал?

– Нет.

Ответ Бренды звучит категорично. Я закрываю глаза и снова молюсь: Алекс обязательно должен вернуться, должен с нами поговорить! Пробую заглянуть в окошко на двери, но кто-то задернул штору. Может, Алекс пытается вернуться к жизни? *«Алекс, вернись! Ты не можешь вот так умереть!»*

Мы стоим не сводя глаз с двери и ждем, когда выйдет кто-то из докторов и скажет, что с Алексом все в порядке. Ожидание кажется бесконечным. И никто из нас не решается отлучиться.

Минут через двадцать из палаты наконец выходит врач. Он еще не заговорил, но по выражению его лица я понимаю, что все мои надежды пошли прахом.

– Мне очень жаль. У пациента началось кровотечение, и мы не смогли его остановить. Летальный исход...

Я чувствую на себе взгляды Карла и Бренды. Поняли они, что сказал доктор, или нет? Услышать это один раз – уже страшная боль, но тут Бренда задает вопрос по-английски:

– Что? Он... он умер?

Крик формируется у меня в груди, но я вдруг понимаю, что потеряла голос. Чувствую, как кто-то обнимает меня за шею. Но я не хочу оборачиваться и встречаться с ним взглядом, кто бы это ни был. Я отодвигаюсь, хочу уйти, борюсь с желанием упасть на пол и умереть на месте. Доктор все еще рядом, но, когда он отвечает Бренде, мне кажется, что его голос доносится с другого конца земли. Они попытались прооперировать Алекса, и он не выжил. Никто не произносит это слово на моем родном языке, но от этого ничего не меняется: Алекс умер. Его больше нет. И никто не знает, где он теперь. Я чувствую, как силы меня покидают, и всхлипывания Бренды эхом отдаются в моей голове, отчего мне становится еще хуже. *«Алекс, как же так?»*

Я нащупываю стенку, хотя ноги ведут меня совсем в другую сторону. Мне хочется остаться в одиночестве и поплакать, но все следуют за мной, словно я куда-то их веду. Жан поддерживает меня, пытается приобнять, но я сопротивляюсь и отталкиваю его изо всех сил. Не хочу, чтобы ко мне прикасались, не хочу слышать о том, что Алекс умер! Не хочу, чтобы он был мертв! Чтобы избежать чьих бы то ни было объятий, я падаю на стул, закрываю глаза и скрючиваюсь, как моллюск в раковине. До меня долетают голоса, они стараются удержать меня в этом мире, где у меня больше ничего нет.

– Шарлотта! Это пройдет... – твердит голос Карла по-английски.

Его слова задевают меня за живое, и я поднимаю голову, чтобы смерить его злым взглядом и крикнуть:

– Нет! Не пройдет! Никогда не пройдет!

Он присаживается на соседний стул, проникает в мою раковину, чтобы меня обнять, шепчет свое бесконечное *«Это пройдет!»*, и до меня вдруг доходит, что он пытается сказать: не надо прятаться; плакать – это нормально.

«Алекс, что ты наделал? Зачем ты именно в этот вечер сел на мотоцикл? Как мне теперь без тебя жить?»

Я лежу не шевелясь под грудой простыней, на которых мы с Алексом занимались любовью. Вставать не хочется. Не хочется видеть чужую печаль, думать о том, что нужно сделать. Но выбора у меня нет. Громкий звук выводит меня из оцепенения. Карл и Бренда в кухне... И зачем я только согласилась переночевать в квартире Алекса? Могла ведь поехать

к себе. Сейчас мне больше всего хочется остаться наедине с собой, в своей постели, и предаваться мрачным мыслям. И так ли уж нужно вставать? Как хочется замереть и забыть обо всем на свете! Но унынию ничего не стоит проникнуть и под одеяло... Я отбрасываю его к ногам и вытаскиваю себя из постели. Все равно заснуть уже не удастся.

Убираю постель и одеваюсь я долго. С тех пор как Алекса не стало, я все делаю медленно. А может, это потому, что мне не хочется общаться с его родственниками?

Стоит мне появиться в кухне, как внимание Бренды и Карла переключается на меня.

– Кофе? – предлагает Бренда и тянется за кувшинчиком.

– Да, спасибо.

Кофейный аромат наполняет помещение. Я смотрю на часы и понимаю, что мне понадобилось около часа на то, чтобы выйти из спальни. Время становится величиной относительной, когда нас уже ничего не ждет... Я беру свою чашку и усаживаюсь на стул. Внезапно накатывает головокружение, но я пытаюсь справиться с ним и подношу руку ко лбу:

– Столько еще нужно сделать...

– Не волнуйся, мы тебе поможем, – по-английски отвечает мне Бренда.

Мать Алекса и его брат не очень хорошо говорят по-французски, но у меня приличный английский, так что мы свободно общаемся.

Я киваю, но, честно говоря, мне не понятно, чем Бренда может мне помочь. Единственное, что приходит в голову, – нужно оповестить всех о случившемся. У меня на это совершенно нет сил. Как я смогу вынести чужую боль, когда мне самой больно? Чтобы хоть чем-то занять руки, я звоню Жану, и он обещает, что мы сделаем «все, что нужно» вместе.

Когда я кладу трубку, в кухне воцаряется тишина. Родные Алекса смотрят на меня со слезами на глазах, и это невыносимо. Им хочется хоть чем-то занять себя, прогнать мрачные мысли, сделать что-нибудь, чтобы забыть о том, что Алекса больше нет. И я теперь – предводитель племени, верховодить которым у меня нет ни малейшего желания.

Я встаю и после недолгих поисков беру в руки телефонный справочник. Из последних сил набираю номер похоронного бюро. Мой голос сам, без моего участия, отвечает на вопросы служащего: в какой Алекс больнице, сколько ему лет, причина смерти. Я записываю время предварительной встречи на клочке бумаги и, глотая слезы, нажимаю «отбой». Моя кофейная чашка пуста. Я даже не заметила, как все выпила. В голове вертятся вопросы моего недавнего собеседника. Был ли Алекс приверженцем какой-либо религиозной конфессии? Верил ли в Бога? Желаю ли я провести панихиду по католическому обряду? Как будто я знаю, что отвечать... Когда тебе двадцать четыре, задавать такие вопросы жениху просто не приходит в голову!

Бренда наливает всем кофе, и мы обсуждаем темы, которые вызывают у меня отвращение: надгробный памятник, похороны, кремацию. Я с трудом подыскиваю слова. Понимают ли они, что я говорю? Этого ли хотел Алекс? Правильно ли я поступаю? Когда слезы мешают мне верно сформулировать фразу, я задаю прямой вопрос. Бренда смотрит на меня с искренним огорчением:

– Дорогая, Алекс уехал из дому так давно! Ты знаешь его намного лучше, чем мы!

Я мотаю головой. Нет, я совсем не знаю Алекса. По крайней мере, не так хорошо, как они думают. Ведь мы с ним никогда ни о чем таком не говорили... Карл предлагает матери организовать религиозную церемонию – такую же, как для их с Алексом отца. Мне не понятно, как можно бесстрастно говорить о смерти. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не зареветь. Мне очень хочется оставить их разбираться со всем без меня. Догадываются ли они об этом? Может, поэтому Карл вдруг переводит взгляд на меня и предлагает предоставить все им с матерью? Не знаю, насколько это правильно, однако соглашаюсь без колебаний. Цепляюсь взглядом за край стола. Мое сознание отключается, и я уже ничего не слышу и не понимаю...

Тихий стук в дверь возвращает меня в реальность. Я спешу открыть. Это Жан. Он обнимает меня и говорит, что все наладится. Невыносимо быть свидетелем чужой боли, когда и свою-то сдерживаешь с трудом... Голос Жана нашептывает, что он со мной, что мы со всем справимся вместе и все будет хорошо. Если бы мне не было так грустно, я бы рассмеялась. Ясно, что он заранее придумал эти фразы, чтобы меня утешить, но все это бред! Как я могу думать, что все наладится, что все будет хорошо, когда Алекс умер? Слова, бесполезные слова...

– Ты им сказала? – спрашивает он.

Я высвобождаюсь из его объятий, награждаю Жана мрачным взглядом:

– Не хочу об этом говорить. Я не готова.

Взгляд его меняется, в нем сквозит беспокойство. Жан хочет возразить, но я жестом прошу его замолчать. Как он может просить меня думать в такой момент о чем-то, кроме Алекса? Могу ли я планировать будущее, когда его больше нет рядом? Разве мало у меня сейчас проблем, которые нужно решать?

Мы идем в кухню. Я сажусь на старое место, а Жан здоровается с моими несостоявшимися родственниками. Не знаю почему, но он начинает рассказывать забавные истории о них с Алексом: как они познакомились, как начинали бизнес по продаже мотоциклов. Бренда и Карл вряд ли что-нибудь понимают, потому что он говорит быстро и по-французски, и все-таки ловят каждое его слово. Когда разговор заходит об Алексе, возникает впечатление, что он с нами – просто уехал ненадолго и вот-вот вернется. Конечно, это всего лишь иллюзия. Еще пара дней, и мы разведемся в разные стороны – Эвансы, Жан и я. И эта квартира скоро будет такой же пустой, как я сейчас. Здесь, как и в любом другом месте, Алекса больше нет. Он остался только в наших воспоминаниях.

Немного помолчав, Жан открывает маленький черный блокнот и начинает составлять список тех, кому нужно сообщить грустную новость. А мне хочется одного – сбежать. Алекс умер, я знаю, но думать об этом невыносимо. Жан переводит взгляд на меня, когда я встаю и бормочу:

– Я не могу этим заняться. Дело в том... Мне нужно домой. Нужно принять душ и переодеться.

А еще – забиться под одеяло и как следует поплакать, но об этом я им, конечно, не говорю. Они кивают и смотрят мне вслед, а я спешу потихоньку удрать, оставляя все хлопоты на них. И мне даже не стыдно. Я убегаю без оглядки. Будь моя воля, я бы уехала сейчас далеко-далеко, подальше от горя и от смерти. Подальше от жизни, о которой я столько мечтала и которая исчезла вместе с Алексом.

Глава 2

Время сожалений

Не думаю, что есть место печальнее, чем зал похоронного бюро, где проходит прощание с таким человеком, как Алекс Эванс, а вернее, с тем, каким он был – жизнерадостным, бесстрашным, очаровательно бесшабашным, замечательным. Мой Алекс... Все меня обнимают, пытаются утешить. Но я не плачу. Это странно, потому что последние три дня я только и делала, что плакала. А сегодня вечером я спокойна. Что ж, так даже лучше. Ненавижу выставлять чувства напоказ.

Алекс как будто бы спит в своем гробу, но мне почему-то кажется, что он не похож на человека, которого я любила. От моего Алекса осталась только оболочка – пустая, лишенная внутреннего света, души. Поэтому-то я и не хочу подходить близко. Я стою в другом конце зала, как можно дальше от него, и стараюсь не смотреть на то, что уже никогда не будет мне принадлежать. Я ограничиваюсь тем, что отвечаю на вопросы, всегда одни и те же: да, Алекс попал в аварию на мотоцикле, два дня был в коме и умер от кровотечения, которое врачи не смогли остановить. Многие упорствуют в своем любопытстве: очнулся ли он перед самым концом? Успел ли что-нибудь сказать? Бренда качает головой и плачет: так ей больно слышать собственный ответ на этот вопрос, хотя с этим ничего уже не поделаешь. И это грустно. Она твердит, что не успела помириться с сыном, не успела сказать, как сильно его любит, – словом, все то, что мы не говорим своим близким, пока они живы, а потом безмерно об этом сожалеем.

Мне все соболезнуют и говорят сочувственно «Бедняжка Шарлотта!» и «А вы ведь собирались пожениться!». Я испытываю при этом некоторую неловкость, особенно перед Эвансами. Мать и брат Алекса попали в наш мирок внезапно, и сразу – такое печальное событие... Они не общались с Алексом последние несколько лет и ничего не знают о его жизни здесь, в Монреале. Не имеют ни малейшего представления о том, кто его друзья, и что он жил со мной, и как гордился своим магазином мотоциклов, который они с Жаном открыли вместе. Вряд ли они узнают человека, которого оплакивают. Алекс стал для своих родственников чужим. И это грустно.

Бренда безутешно рыдает над умершим сыном. Даже Карлу не удастся ее успокоить. Я прихожу ему на выручку. Присаживаюсь рядом с Брендой и, легонько поглаживая ее по спине, завожу разговор о поездке, которую мы с Алексом собирались предпринять на Рождество. О том, что он хотел «официально» представить меня своим родственникам. И объявить о помолвке. Помириться с семьей.

Это странно – говорить о будущем, которого уже никогда не будет, но Бренда понемногу успокаивается. Ей радостно осознавать, что Алекс намеревался восстановить отношения с родными. Она описывает их последнюю встречу перед отъездом Алекса в Америку, пересказывает последний разговор по телефону, когда он только обо мне и говорил. И вдруг снова начинает плакать и шептать слова, которые я не могу разобрать, – что-то о ссоре ее сыновей и о том, что теперь они уже никогда не смогут помириться.

– Это так грустно, – говорит она сквозь слезы.

Если бы только Карл сделал первый шаг! Если бы они не ждали столько времени, а уладили свои разногласия раньше... Она права – все это очень печально, но говорить об этом бессмысленно. Теперь уже слишком поздно. Алекс умер, и неизвестно, помирились бы они с Карлом или нет. Но я сомневаюсь, что Бренде будет приятно это слышать, поэтому просто молча киваю.

Весь вечер она крепко держит меня за руку. Я потеряла жениха, она – сына, и кто знает, которая из потерь тяжелее. Когда Бренда в очередной раз заливается слезами, я сжимаю ее пальцы и отворачиваюсь. Больно видеть, как она теряет остатки самообладания. В душе у меня зарождается чувство вины: Алекс был моим почти два года, а его мать все это время надеялась, что он вернется в Англию... Может, мне нужно было заставить его восстановить отношения с родными, пока еще была такая возможность? Но разве я могла знать, что Алекс так скоро умрет? И у нас осталось так мало времени, чтобы любить друг друга...

В другом конце зала начинается церемония прощания. Бренда затихает, чтобы послушать, что скажут о ее сыне. Люди один за другим выходят к гробу, говорят трогательные слова о человеке, которого уже нет с нами и чье присутствие кажется сегодня таким ощутимым. Друзья Алекса, коллеги и клиенты по очереди обращаются к собравшимся, чтобы напомнить им о том, что мы утратили навсегда: его жизнерадостность, увлеченность, доброжелательность, смех... Каждый рассказывает что-нибудь забавное, и слезы, которые, как я думала, уже иссякли, вдруг снова находят дорогу к моим глазам. И на этот раз я понимаю, почему все плачут: потому что только это от Алекса и осталось – воспоминания. А этого мало, слишком мало.

Я сдерживаю слезы и вспоминаю о разных глупостях, только бы не слушать, что говорят другие. О том, как однажды Алекс потерял ключи и ему пришлось заехать ко мне в кафе за моими; как он разбил мой любимый бокал; как мы поссорились, когда он забыл о нашей годовщине. Это идиотизм, но даже о таких пустяках мне больно вспоминать. Чтобы отвлечься, я сосредоточиваю внимание на запахе, который витает в зале, и говорю себе: именно так и должна пахнуть смерть – цветами, эвкалиптом и печалью.

Те, кто умирает, – настоящие эгоисты. Бессердечно вот так бросать нас одних, наедине с нашими страданиями и сожалениями. А ведь я дважды отказывалась принять от Алекса обручальное колечко! Если бы только я поверила ему раньше, если бы согласилась выйти за него в День святого Валентина! Умер бы он более счастливым? Как знать... Мир вдруг представляется мне переплетением множества параллельных реальностей.

Люди, которых я не знаю, проходят мимо меня, выражают соболезнования. Бренда их выслушивает, а я... У меня не получается. Что мне все эти проникнутые сочувствием взгляды, эти знаки внимания и без конца повторяемые слова, которыми все мы пользуемся в подобных случаях? Если сегодня кто-то и вызывает во мне сочувствие, так это Эвансы. Может, потому, что они сожалеют о том же, что и я? И их с Алексом история также осталась незаконченной?

– Ты не хочешь произнести пару слов перед собравшимися? – спрашивает Жан, опускаясь на корточки возле моего стула. – Было бы хорошо, если бы ты... ну, сказала им, что в некотором роде Алекс еще с нами.

– Нет.

Мой ответ категоричен, и это его огорчает. Не считая Карла, я, пожалуй, единственная, кто не произнес прощального слова. К чему выставлять нашу боль напоказ перед всеми этими людьми? Эти воспоминания принадлежат мне, и я не хочу ими делиться. Жан настаивает, пытается взять меня за руки: «Ты обязательно должна что-то сказать!» Я его отталкиваю, упрямо мотаю головой. Я не могу. Не хочу. Почему мне нельзя просто закрыть глаза и проснуться где-нибудь в другом месте? Подальше от скорби и смерти и от этого маскарада, от которого никакой пользы и который не сможет вернуть мне Алекса!

Мой взгляд устремляется вдаль, и я вдруг ловлю себя на том, что молюсь, чтобы этот вечер закончился как можно скорее. Мне хочется ускользнуть, вернуться домой и сказать себе, что все наконец завершилось. А потом я от души поплачу и подумаю о том, как буду отстраивать то, что осталось от моей жизни.

Жан стоит слева от меня, и это раздражает. Он говорит со всеми об Алексе, собирает изъяснения чужой боли. У меня сдают нервы. Я встаю и ищу глазами место, где можно было бы спрятаться. У меня нет ни малейшего желания выслушивать снова и снова о том, что «все наладится». Это неправда. Все идет кувырком с тех пор, как Алекса не стало, но разве кого-нибудь в зале это беспокоит? Они только и знают, что повторяют все эти глупости...

Я смотрю по сторонам; передо мной появляется Карл и протягивает руку.

– Пройдемся?

Предложение меня удивляет, но мои сомнения улечиваются в одну секунду; я цепляюсь за его руку и позволяю увести себя из этой обители печалей. По дороге к выходу некоторые пытаются с нами заговорить, но Карл не останавливается – идет прямо, увлекая меня за собой. В вестибюле он берет наши пальто, и мы наконец выходим наружу.

Я с удовольствием подставляю лицо холоду, шумно набираю полную грудь воздуха. Боже, как хорошо! Я задыхалась в этом зале, пропахшем горем и смертью. Еще три вдоха – и Карл, не выпуская моей руки, идет дальше.

Если бы я не испытывала такого облегчения, удаляясь от похоронного бюро, я бы спросила, куда мы направляемся, но я иду молча, потому что, по правде говоря, мне это совершенно безразлично. Если бы я могла, я бы не стала возвращаться, пусть это и означало бы, что я больше никогда не увижу Алекса, так рано ушедшего из жизни. Мне хочется запрыгнуть в первое же проезжающее мимо такси и умчаться туда, где меня никто не найдет, где я смогу спокойно пережить траур или просто сделать вид, что Алекса никогда и не было. Здесь, в этом городе, в окружении этих людей это невозможно. Здесь все напоминает мне о нем.

Карл приводит меня в крошечный парк, в этот поздний час совершенно пустынный. Шаги у него решительные, как будто он точно знает, какова наша цель. Перед детской площадкой – скамейка, возле которой Карл останавливается. Целую минуту или даже больше вокруг меня ничего не движется, не считая поскрипывающих на ветру качелей. Неожиданно по моему горлу взмывает клубок огня – так быстро, что я не успеваю ни удержать его, ни подавить. Он взрывается... Я глотаю слезы, с губ срывается крик. Я закрываю рот руками, и мои ноги вдруг становятся ватными. У меня больше нет сил на то, чтобы себя контролировать, изображать спокойствие. Я падаю коленями на холодную землю рядом с Карлом, который не отходит от меня ни на шаг, пытается обнять. Его руки удерживают меня, не дают мне рухнуть на четвереньки, а потом растянуться на земле и свернуться в комок.

Зарывшись лицом в серый плащ Карла, я плачу. Это длится вечность. Я жду, что он что-нибудь скажет, попытается меня утешить, но он ничего такого не делает. Просто ждет, пока приступ пройдет, и сильнее сжимает объятия, когда я начинаю трястись от горя, которое меня душит. На мокром от слез лице холод ощущается особенно остро, и я укрываюсь от ветра за плечом Карла. Прижимаясь к нему, я словно попадаю в другую вселенную. Надо бы его поблагодарить, но я молчу, потому что голос у меня пропал, а еще потому, что я думаю о скрипучих качелях. Они напоминают мне о том, что и я тоже ужасно одинока.

Когда Карл отнимает руки, мы еще какое-то время стоим коленями на траве, друг напротив друга. Он встает первым. Все, хватит плакать... Наверное, сейчас Карл попытается отвести меня обратно. Но нет, он присаживается на деревянную скамью и похлопывает по ней, приглашая составить ему компанию. Можно подумать, что он предлагает мне отсрочку. Я тоже поднимаюсь и молча сажусь рядом.

Довольно долго Карл просто сидит и даже не предпринимает попытки заговорить. Его присутствие меня успокаивает, может быть, потому, что он ни о чем не просит. Взгляд мой блуждает вдаль, скользит по кронам деревьев, зданиям и проходим на тротуарах – осязаемому свидетельству того, что Земля не перестала вращаться, несмотря на то что Александра Эванса больше нет. Это странно – думать о том, что время продолжает свой бег, когда

внутри тебя самого все словно замерло. Если бы только Алекс был жив, если бы только он слышал меня из своей комы... Остался бы он со мной? Поборолся бы еще?

– Как думаешь, Алекс нас слышит?

Я озвучиваю вопрос, хотя задаю его самой себе, а не Карлу. Я все еще смотрю на небо в надежде, что Господь – а еще лучше сам Алекс – пошлет мне знак. Слышал ли он мои молитвы, когда лежал на больничной кровати? Знает ли, что я чувствую прямо сейчас? Что пустота, тревога, страх терзают мне душу? И если бы мне было известно, чего он хотел, помогло бы мне это решить, что делать теперь со своей жизнью?

Мы с Карлом молчим, и это нормально. Слишком уж сложный я задала вопрос. Кто знает, что Алекс, будучи в коме, мог слышать или ощущать? Я поворачиваюсь к Карлу и замираю при виде его слез. Он быстро отворачивается, вытирает глаза. Я чувствую себя совершенно беспомощной перед скорбью, которую он старается скрыть, но, хочу я того или нет, все равно это вижу. В таких случаях никогда не знаешь, что сказать, и мне известно по собственному опыту, что словами горю не поможешь. Я кладу руку Карлу на спину, тихонько поглаживаю ткань плаща. Это все, на что меня хватает. Хотя я прекрасно понимаю, что легче ему от этого не станет.

– Надеюсь, что нет! – неожиданно восклицает Карл охрипшим от слез голосом.

Он горбится, прячет лицо в ладонях. И плачет еще сильнее. Скорее всего, его гложет чувство вины. И это понятно, ведь они с братом так и не успели помириться. Проблема в том, что смерть всегда напоминает нам о том, что мы не успели сделать. Это ужасно – опоздать на какие-то жалкие пару месяцев! На Рождество Карл с Алексом могли бы встретиться и Бренда смогла бы в последний раз обнять сына. Зачем было откладывать поездку на два месяца?

Когда люди умирают, наверное, ничего не остается, кроме... сожалений.

– Он не дал мне шанса... объяснить! Я собирался... собирался сказать... а потом...

Голос Карла дрожит, как и все его тело. Он шмыгает носом, пытается успокоиться, но все зря – на него накатывает новая волна отчаяния. Заливаясь слезами, Карл качает головой, твердит о том, как ему хотелось поговорить с братом, объясниться... И вдруг поднимает на меня красные от слез глаза:

– Прости...

– Карл, не кори себя, – мягко говорю я. – Ты не мог знать, что так выйдет, о'кей?

Я энергичнее поглаживаю его по спине, словно это может утешить. И повторяю: никто не мог знать, что Алекса так внезапно не станет. Если бы мне об этом было известно, я бы не отошла от его кровати ни на шаг. Понимал ли он тогда, что я рядом? Что не бросила его? Кто знает... Остается только надеяться и изобретать ответы, от которых становится легче на душе, потому что, в сущности, нам ничего об этом неизвестно. Вообще ничего.

Карл все качает головой, повторяет, что ему очень жаль, потом вдруг заявляет, что ему вообще не следовало приезжать в Монреаль, не следовало входить к Алексу в палату, потому что тот, конечно же, не хотел ни видеть его, ни разговаривать с ним... Слова перемежаются всхлипами, все более громкими, и в конце концов Карл роняет голову на руки с таким видом, что у меня сердце разрывается от жалости. И я наконец понимаю, что он хочет сказать: ему кажется, что Алекс умер из-за того, что слышал его голос.

На какое-то время моя рука замирает над плащом. Я обдумываю это предположение. Мог ли Алекс до такой степени ненавидеть брата, чтобы не стерпеть его присутствия? Мог ли он уйти, только бы не слышать его голоса? Нет, этого просто не может быть. А Карл, между тем, так расстроен, что я не могу ответить на его вопрос однозначным «нет». И все-таки, чтобы его утешить, я говорю: это случайность, что Алекс умер именно в тот момент, и не стоит так терзаться, потому что это ничего не изменит, его все равно не вернуть. По крайней мере, это – чистая правда.

Сожаления... Только смерть близкого человека может взвалить нам на плечи такое тяжкое бремя. Она всегда оставляет в сердце сомнение: «Может, нужно было поступить вот так? Или эдак?» Множество вопросов, ответов на которые мы никогда не узнаем.

– Я не успел...

Карл подыскивает слова, то на английском, то на французском, но рассказ все равно получается печальный: брат умер, не дав ему несчастных пяти минут, чтобы хотя бы попрощаться. После всего, что они пережили вместе, после многочасового перелета через Атлантику, предпринятого исключительно для того, чтобы увидеть Алекса, нужно же было ему умереть, так и не услышав, что брат собирался ему сказать!

Слезы снова текут у Карла по щекам, и я уже не знаю, что предпринять, чтобы его утешить, поэтому бормочу: «Тише! Чш-ш-ш...» – и опять глажу его по спине. А потом говорю то, во что сама верю в этот момент: со всеми нами Алекс побыл слишком мало. Он пронесся, как порыв ветра, по нашим жизням – и по моей, и по жизни своих родных. И даже в смерти остался верным себе, мой непредсказуемый Алекс...

– Здесь он стал совсем другим, – говорит Карл уже намного спокойнее. – Кажется, с тобой он был счастлив.

Наверное, он сделал такой вывод, когда слушал прощальные слова друзей Алекса, ведь многие говорили, что, влюбившись, его брат очень переменился. Не знаю... В моей памяти существует только один Алекс. Да, он был счастлив и он меня любил, но, судя по всему, этого оказалось недостаточно, чтобы бросить вызов смерти.

– Алекс знал, что ты его любишь, я в этом уверен, – говорит Карл глухим голосом. – Может, он и не слышал тебя там, в палате, но зато сейчас слышит.

Я нервно улыбаюсь и тут же в который раз заливаюсь слезами. И в этот момент мне плевать, знает ли Алекс, что я чувствую, или нет. Единственное, чего я хочу, – это чтобы он вернулся и сказал, что мне теперь делать, пообещал, что все будет хорошо, и больше никогда не оставлял одну. Карл сжимает мою руку и шепчет, что Алекс знает, как сильно я его люблю, но я мотаю головой; мне хочется, чтобы он замолчал. Странно, но я сама предлагаю вернуться в похоронное бюро. Бренда наверняка волнуется. Да и нехорошо с нашей стороны – вот так взять и оставить ее одну в этом зале, переполненном незнакомыми людьми и их слезами.

Мы с Жаном, Карлом и Брендой терпеливо выслушиваем всех, кто пришел проводить Алекса в последний путь. Еще воспоминания, еще слова, которые не имеют ни малейшего смысла, но мы все равно слушаем: может, так даже лучше – и что кома была слишком глубока, и что он не захотел обременять родных... И, конечно, неизбежное «Время лечит!». Вздор! Завтра я по-прежнему буду одинока. Жан выглядит растроганным, а я – я не могу бесстрастно выслушивать все эти заранее заготовленные фразы. Меня душит гнев. Это сильнее меня: я чувствую себя покинутой. Если бы Алекс любил меня по-настоящему, он бы вернулся к жизни. Победил бы кому и снова был бы со мной. У него было для этого множество причин.

Один за другим друзья прощаются. Последним уходит Жан. Мне становится чуть легче. Больше не нужно выглядеть сильной и выслушивать глупости. И вот, когда я уже надеюсь уйти подальше от этого гроба, Бренда просит дать ей еще немного времени, чтобы побыть с Алексом. Мы с Карлом отходим в сторону, чтобы не мешать, но перед нами предстает настолько душераздирающее зрелище, что я предпочла бы этого не видеть. Я не могу смотреть на слезы Бренды, я чувствую, что ее, как и меня, снедает тоска. И ничего с этим не поделаешь – перед лицом смерти все мы слабы и беззащитны.

Я поворачиваюсь спиной к ее горю, которое она так безудержно изливает, из страха последовать ее примеру. И что бы от этого изменилось? Ничего. Никто не может вернуть нам Алекса. Что бы мы сейчас ни делали и ни думали – все тщетно.

Глава 3

Секрет

Утром я долго лежу в постели и смотрю в потолок. Была бы моя воля, я бы вообще не вылезала из-под одеяла и объедалась снотворным, чтобы забыть о том, что Алекса больше нет. Было бы хорошо пожить в неопределенности, в некоем подобии комы, до тех пор, пока страдания не иссякнут...

Ровно в девять звонит Жан и говорит, что мог бы зайти и обсудить, что делать дальше. Я выдумываю массу причин, только бы он не приходил: что мне нужно позаботиться об Эвансах и привести в порядок квартиру. Я не хочу его видеть, не хочу думать и принимать решения. Без Алекса будущее – понятие абстрактное, и я еще не готова сделать шаг ему навстречу.

Я брожу по квартире кругами. Всё, Алекс ушел и больше никогда не вернется... А мне-то что теперь делать? Ответа на этот вопрос я не нахожу. Обычная утренняя рутина немного отвлекает: я пью кофе, принимаю душ, одеваюсь. Но все вокруг напоминает об Алексе, и душевная боль снова выходит на первый план. Я снова плачу.

Так дальше продолжаться не может. Я решительно собираю все его вещи. Это занятие занимает мои мысли на протяжении целого часа. Мы почти всегда проводили время в квартире у Алекса, поэтому картонная коробка полупуста: там несколько предметов одежды, диски, книга, две фотографии в рамках и зубная щетка. Это слишком много и слишком мало. С каждым предметом связаны месяцы воспоминаний. Я не могу оставить все это у себя. Сделай я так, и эта коробка превратилась бы в бомбу замедленного действия. Лучше уж спрятать ее в надежном месте. Повинуясь минутному порыву, я выхожу из квартиры и еду на квартиру Алекса.

Бренда встречает меня с улыбкой облегчения. Она не смогла ко мне дозвониться, я тоже не звонила, и это ее встревожило. Моя вина: поговорив с Жаном, я перевела телефон в беззвучный режим, чтобы хоть какое-то время ни на что не отвлекаться. Прямо с порога я протягиваю Бренде коробку с личными вещами ее сына.

– Я подумала, что... может, вам...

Я обрываю фразу на полуслове. И зачем я только приехала? Эти вещи не представляют для нее ни малейшей ценности. Дрожащими руками я прижимаю коробку к груди и бормочу извинения, но Карл берет ее у меня и кладет на кресло. Странно, но у меня ощущение, что, отдавая вещи Алекса его матери, я рву с ним отношения. А может, так оно и есть, только я сама этого еще не осознала? Единственное, чего мне сейчас хочется, – это как можно скорее прогнать горе и боль из своей жизни.

Из опасения, что Бренда неверно истолкует мой поступок, я пытаюсь объяснить, что мне невыносимо тяжело видеть эти вещи у себя в квартире и что ей, возможно, захочется взять что-нибудь на память о сыне домой, в Англию. Карл перебивает меня, говорит, что он все понял, и тут же советует мне еще раз подумать: не буду ли я потом жалеть, что отдала все? Я не знаю. Разве так не проще будет забыть? Поставить крест на счастливых мгновениях, которые мы с Алексом пережили вместе, убедить себя в том, что это был сон и только...

Когда молчание становится обременительным, я решаю уйти.

– Что ж, мне пора...

Бренда хватается за руку. Она говорит, что сварила суп, и приглашает меня пообедать с ними. Не дожидаясь ответа, она увлекает меня в кухню. Я не противлюсь. Во-первых, потому что ничего не ела со вчерашнего вечера, во-вторых – потому что мне совершенно не хочется возвращаться домой, где меня ждет одиночество. Я с аппетитом съедаю две тарелки

супа, и, чтобы разрядить обстановку, мы беседуем на отвлеченные темы, не связанные с Алексом.

Под конец трапезы Бренда заводит разговор о том, чем она занимает себя после смерти мужа. В основном речь идет о работе на добровольных началах. Она ведет кулинарные курсы, помогает детям делать уроки. Еще Бренда рассказывает о своем литературном кружке и еженедельных посиделках с соседями, с которыми она играет в бридж. Об игре она говорит долго и увлеченно. Карл, со своей стороны, сообщает то, что мне и так известно: когда умер отец, семейный бизнес перешел к нему, и вот уже пять лет он отдает этому все силы. Можно подумать, что Карлу не очень хочется рассказывать о сети отелей, которой он руководит. По его словам, большую часть времени он проводит на совещаниях, обсуждая финансовые показатели и маркетинг.

– А ты, Шарлотта? В какой сфере работаешь ты?

В устах Бренды вопрос звучит в высшей степени доброжелательно, и все же он мне неприятен. Мне стыдно признаться, что невеста их Алекса – простая официантка в кафе. Наверное, они уже знают об этом, потому что не выказывают удивления, когда я отвечаю. Следуют вопросы, хорошо ли я умею варить кофе и нравится ли мне моя работа. Я как-то забываю о предрассудках, которые они могут иметь на этот счет, и рассказываю о своей хозяйке, коллегах и любимых клиентах – тех, кто смешит меня анекдотами и по ком я, как выясняется, успела соскучиться.

Любопытство Бренды невинно, и все же я теряюсь, когда она спрашивает меня о моей семье. Вчера никто из моих родственников не пришел на похороны, чтобы меня поддержать, и ее недоумение по этому поводу вполне понятно. С минуту над столом висит неловкое молчание. Чтобы спасти меня из затруднения, Карл говорит матери, что мне, возможно, не хочется об этом говорить, но я перебиваю его и, не вдаваясь в подробности и надеясь, что больше эту тему мы поднимать не будем, произношу:

– Моя мама умерла, а остальные родственники... они живут на другом конце света. Я давно с ними не общалась.

На самом деле я вообще не поддерживаю с ними связь. Пять лет назад, когда мама, у которой был рак, ушла из жизни после долгих мучений, я все бросила и перебралась в Монреаль с семьей сотнями долларов, которые у меня оставались.

Бренде кажется, что этого недостаточно, и она проявляет настойчивость. Спрашивает, где расположен «другой конец света» и вижу ли я с отцом. За исключением истории о болезни матери, я привыкла рассказывать о своей жизни без эмоций, но сегодня она кажется мне совсем уж печальной. Дело в том, что я даже не знаю, кто мой отец. Мама так и не захотела мне о нем рассказать. *«Он ушел задолго до твоего рождения. Поверь, без него намного лучше»*, – говорила она каждый раз в ответ на мои расспросы. Думаю, в наших краях он был проездом и уехал, так и не узнав, что мама забеременела.

Когда же я говорю о «другом конце света», то подразумеваю городок Санкт-Иларион в регионе Шарлевуа. Эвансы, конечно, понятия не имеют, где это, но я уточняю, что от этого городка до Монреаля пять часов езды, и они понимают, что это далеко. И с точки зрения географии, и для меня лично, потому что, покинув это место, я больше никогда туда не возвращалась.

Бренда спрашивает, почему я уехала, и я просто отвечаю, что пришла пора взять жизнь в свои руки. Я умалчиваю о том, что моя тетя терпеть меня не может и всегда считала, что моей матери нужно было сделать аборт. Это из-за меня ее сестра в двадцать четыре года стала матерью-одиночкой, без диплома и без будущего. Другими словами, загубила свою жизнь. На протяжении многих лет ей приходилось работать на двух работах, чтобы оплачивать счета, а когда дела наши пошли наконец на поправку, у нее обнаружили рак. Почти шесть лет мама боролась, но силы таяли, и в конце концов она умерла.

То еще удовольствие – рассказывать об этом, когда настроение у всех и так на нуле. Я встаю, чтобы убрать со стола и чтобы не видеть сочувственных взглядов. Мой рассказ Эвансы выслушали молча, и теперь они следят за мной глазами, словно я забыла упомянуть одну существенную деталь – конец истории и связанные с ним надежды. Конечно же, я об этом не забыла, но молчу и начинаю перебивать посуду. Помню, как Алекс, услышав об этом, сказал: «Вау! Ты очень сильная!» Ему не верилось, что я смогла перечеркнуть прежнюю жизнь и никогда больше к этому не возвращаться. В Монреале я создала себя с нуля. Почти так же, как он.

– Ты сможешь приехать в Англию? – спрашивает у меня Карл.

– Какая чудесная мысль! – подхватывает Бренда. – Ты обязательно должна приехать к нам на Рождество! Путешествие пойдет тебе на пользу.

Я закручиваю кран и оборачиваюсь к ним, пытаюсь понять, о чем вообще идет речь. Карл тянется за билетами на самолет, которые Алекс купил заранее, когда мы определились с планами на зимние праздники.

– Ты приедешь на Рождество, – решает он.

Я потираю брови и качаю головой. Зачем мне лететь в Англию без Алекса? Совершенная бессмыслица! Но Бренда настаивает:

– Билет у тебя уже есть! Соглашайся и приезжай к нам, в Саутенд². Карл покажет тебе Лондон...

Ее сын подходит ко мне, кладет купленный на мое имя билет на барную стойку и постукивает по нему, привлекая мое внимание. Честно говоря, я бы с огромным удовольствием исчезла сейчас из этой реальности, перенеслась бы в другую. И эта поездка уже не имеет того смысла, который мы с Алексом в нее вкладывали. Он хотел, чтобы мы поехали в Англию вместе, хотел познакомить меня со своей семьей и объявить о том, что мы собираемся пожениться. Стоит мне об этом вспомнить, как на глаза снова наворачиваются слезы. Встречу ли я когда-нибудь такого же замечательного мужчину, как Алекс?

Мое продолжительное молчание делает атмосферу в комнате прохладнее, но я ничего не могу с собой поделать: мне грустно. И эта грусть омрачает все вокруг меня. По идее предложение Эвансов должно меня обрадовать, ведь это было бы мое первое большое путешествие, но полет в Англию без Алекса представляется мне бессмысленной затеей. Он умер, и с его родными меня теперь вообще ничего не связывает. Скоро они уедут и забудут обо мне. Быть может, это к лучшему? Зачем удерживать их там, где Алекс провел последние годы жизни? Не лучше ли им уехать и оплакивать сына среди родных? Недолго думая, я отодвигаю от себя билет и предлагаю его продать. Бренда поджимает губы, но в ее словах нет и намека на упрек:

– Может, ты все-таки об этом подумаешь? А пока нам нужно обсудить еще один вопрос...

Она встает, подходит к барной стойке и опирается на нее локтями – так, что мы оказываемся лицом к лицу. Бренда перечисляет имущество Алекса по пунктам: квартира, автомобиль, доля в бизнесе, банковский счет... Жестом я прошу ее замолчать. Я не хочу слушать о том, что Алекс оставил после себя, потому что этого слишком мало, и еще потому, что это не имеет ко мне никакого отношения.

– Мы хотим отдать тебе все, что у него было! – заявляет Карл.

– Алекс хотел бы, чтобы все осталось тебе, – говорит Бренда. – Вы ведь собирались пожениться...

Я принесла им вещи Алекса, втайне надеясь, что это поможет мне не думать о нем, а его мать и брат говорят, что все, что ему принадлежит, должно остаться у меня! Я пячусь до

² Имеется в виду Саутенд-он-Си (англ. Southend-on-Sea) – город в Восточной Англии. (Примеч. ред.)

тех пор, пока не упруюсь спиной в кухонный стол, а потом отворачиваюсь, чтобы не видеть их лиц. Голова опять идет кругом, и приходится закрыть глаза, чтобы все вокруг перестало дрожать и раскачиваться. Бренда говорит быстро – о том, что я заботилась о ее сыне, что мы с Алексом в ближайшем будущем планировали жить вместе...

– Мама, прошу, перестань! – обрывает ее Карл.

От его восклицания я вздрагиваю и вдруг понимаю, что по выражению моего лица видно, как мне сейчас плохо. Карл хватается меня за плечи и хочет усадить на стул, но я произношу едва слышно:

– Мне нужно домой. Я плохо себя чувствую.

Он просит меня остаться, но я упрямо направляюсь к двери. Наконец на ватных ногах выхожу в прихожую. Мне ужасно плохо, и как в таком состоянии я собираюсь вести машину – загадка, но я решаю, что посижу в авто, пока головокружение не пройдет. У себя дома я смогу побыть одна, перевести дух, и мне не придется постоянно говорить об Алексе и о том немногом, что он после себя оставил.

Дрожащей рукой я хватаю пальто, оно выскальзывает, и я ловлю его за полу так неуклюже, что содержимое карманов высыпается на пол. Кровь застывает у меня в жилах. Я падаю на колени и начинаю собирать свои вещи. Отталкиваю Карла, который присел рядом, чтобы мне помочь, и спешу сунуть обратно в карман вместе с пригоршней монет то, чего им ни в коем случае нельзя видеть.

Собираю остаток сил, встаю и делаю шаг к Карлу, который держит в руках мое пальто. Бренда смотрит на меня внимательно, и этот взгляд пронизывает меня, словно рентгеновский луч. Я хватаю ртом воздух. Быстро на лестницу, а то я упаду без чувств прямо тут! Но прежде, чем я успеваю надеть пальто, в прихожей звучит приглушенный голос Бренды:

– Ты беременна!

Услышав это, Карл отшатывается и прижимает к груди мое пальто. В его взгляде – изумление. Мне хочется закрыть глаза, исчезнуть или хотя бы потерять сознание, но нет – я понемногу прихожу в чувство.

Бренда ждет, что я что-то скажу, а я, не сводя глаз с входной двери, мысленно проклинаю себя за то, что не выложила из кармана тест на беременность. Только бы не встретиться ни с кем из них взглядом! Почему, ну почему я не выбросила его еще тогда, когда Алекс перестал бороться за жизнь?

– Он знал?

Когда Бренда задает этот вопрос, мне хочется разрыдаться. Глаза наполняются слезами, и я ничего не могу с этим поделать. Нет, Алекс не знал. Если только он не слышал мои слова сквозь забытие, но какая теперь разница, ведь этого оказалось недостаточно для того, чтобы он ко мне вернулся... Ни мои мольбы, ни будущий ребенок, ни мать с братом не смогли удержать его в этом мире.

Глотая слезы, я мотаю головой. Бренда обнимает меня, и я прижимаюсь лицом к ее плечу. Что я наделала? Ответив на вопрос, я тем самым подтвердила факт своей беременности. В горле у меня застревает комок. Я медленно выпрямляюсь, бормочу, что не желаю об этом говорить, что я не готова и, самое главное, не хочу все усложнять...

– О каких сложностях ты говоришь? – возражает мать Алекса, утирая слезы. – Шарлотта, это же настоящее чудо!

Бренда произносит это слово с таким волнением, что на меня снова наваливается тоска. Как она может радоваться, ведь Алекс только-только умер? Я отворачиваюсь, чтобы не видеть обращенного ко мне лучистого взгляда. Мне страшно. И я не хочу давать Бренде надежду. Я хватаюсь за пальто, которое до сих пор держит Карл, и тяну его на себя. Вопреки моим ожиданиям, он не противится. Карл все еще под воздействием шока – стоит приоткрыв рот и не сводит с меня глаз.

– Шарлотта, не уходи! – просит Бренда, пока я надеваю пальто. – Нам нужно все обсудить!

Она тянется ко мне, чтобы помочь раздеться, но я решительно направляюсь к входной двери. Тогда Бренда хватается за рукав и смотрит полными слез глазами. Я знаю, чего она хочет: чтобы я сказала что-нибудь хорошее, чтобы не убивала надежду, которая только что зажглась в ее душе. Но с моих губ срывается:

– Бренда... Я не знаю, что сказать...

– Скажи, что ты родишь этого ребенка! – просит она.

Тут Карл наконец приходит в себя и ласковым, но твердым тоном просит мать оставить меня в покое. Он объясняет, что у меня сейчас масса забот, мне нужно во всем разобраться и это нормально, что я не хочу пока об этом говорить. Потом предлагает мне отдохнуть немного дома, успокоиться, а затем приехать к ним на ужин. Я качаю головой и повторяю, что не готова принимать решение, но Карл делает вид, будто не слышит.

– Мы не станем тебя ни к чему принуждать. Шарлотта, мы только хотим тебе помочь.

Он смотрит на мать, словно ожидая подтверждения, и Бренда кивает, вторит его словам, а напоследок говорит:

– Я уверена, мы все решим!

Я нащупываю у себя за спиной входную дверь и выскальзываю на лестничную площадку, так и не ответив на приглашение. С грохотом сбегая по ступенькам, прячусь в машине, несмотря на холод, опускаю стекла на всех окнах и завожу двигатель. Я задыхаюсь. Мне нужен воздух. Я не уверена, что приеду сюда снова. У меня просто не хватит выдержки, чтобы растоптать надежду, которую я сама же посеяла в сердце Бренды. И я не могу понять, как ей удастся находить положительные моменты там, где их нет.

Глава 4

Трудный выбор

На часах почти шесть, когда я решаюсь наконец позвонить в дверь квартиры Алекса. По меньшей мере двадцать минут я топталась у подъезда, размышляя, что скажу Бренде. Ей и без того плохо, она потеряла сына... Черт бы побрал этот тест на беременность, который я таскала с собой в надежде на то, что Алекс очнется!

Увидев меня на пороге, Карл вздыхает с облегчением. По всей вероятности, он боялся, что я не приду. Карл приглашает меня в дом, помогает снять пальто, говорит о том, как рад, что я не передумала. Он произносит слова быстро, беззаботным тоном. Рассказывает, что Бренда приготовила столько жаркого, что его хватит на целую армию. В квартире и вправду приятно пахнет жареным мясом, и у меня, несмотря на легкое недомогание, текут слюнки. Словно издалека я слышу собственный голос:

– Дело в том, что... я заскочила на минутку.

Карл отвечает со смехом:

– Ты останешься на ужин! Один я со всем этим не справлюсь!

Выражение лица у него самое дружелюбное, слова – тоже. Я позволяю проводить себя в кухню, где Бренда заканчивает последние приготовления. Она обращает ко мне свое улыбающееся лицо и говорит, что ей нужно еще пять минут – осталось украсить торт шоколадом. Карл наклоняется ко мне и заговорщицким тоном повторяет, что я непременно должна остаться на ужин и помочь ему съесть эту гору еды.

– Это всего лишь торт, а никакая не гора! – смеясь отмахивается от него Бренда.

Они подтрунивают друг над другом, и мне это нравится. Незаметно для себя я усаживаюсь за барную стойку напротив Бренды и начинаю рассматривать торт. Она заводит разговор о Монреале, спрашивает, смогу ли я провести для них экскурсию по городу до их отъезда. Карл кладет на стойку путеводитель и показывает мне обведенные карандашом места на карте города – Ботанический сад, китайский квартал, Старый порт. Мы болтаем о том о сем, о городе и его достопримечательностях в такой дружелюбной атмосфере, что я забываю, зачем, собственно, пришла.

Готовит Бренда прекрасно, и я делаю над собой усилие, чтобы не съесть до последней крошки все, что она кладет мне на тарелку. Время от времени я посматриваю и на торт, который благоухает на барной стойке, но что-то подсказывает мне, что дискуссия, которой я так боюсь, начнется раньше, чем я успею его попробовать. Все-таки удивительно, как меняются люди, когда наступает момент для серьезного разговора: в комнате повисает неловкое молчание, и Бренда взглядом ищет у сына поддержки. Карл тут же начинает убирать со стола, словно освобождая пространство для слов. Бренда ждет, пока он вернется на место, и только потом поворачивается ко мне. Этого времени достаточно, чтобы меня охватила нервозность. И я выдаю свою тираду, словно опасаясь, что они, со своими добрыми намерениями, не дадут мне сказать:

– Бренда, я не могу оставить ребенка. Это невозможно.

Я замолкаю, чтобы перевести дыхание. Сказала несколько слов, а ощущение такое, будто пробежала марафон. Да, торт я так и не попробую... Я встаю из-за стола, но Бренда накрывает мою руку ладонью и смотрит умоляющим взглядом:

– Пожалуйста, удели нам еще десять минут!

У меня подгибаются колени, и я сажусь на место. Жду. Слушаю. Бренда обрисовывает ситуацию – она понимает мои опасения: у меня нет семьи, смерть Алекса стала для меня тяжелым ударом. Она говорит о страхе, который я должна испытывать при мысли о том, что

могу сделать ту же ошибку, что и моя мать когда-то, ведь ребенок требует больших затрат, а зарабатываю я не так уж много.

– Мы хотим тебе помочь, – подводит итог Бренда.

Слова быстро слетают с ее губ – наверное, она боится, что я уйду прежде, чем она успеет договорить. И вдруг она заводит речь совсем о другом: Алекс, конечно же, хотел бы, чтобы я оставила ребенка, потому что это – подарок Небес. Вероятно, Бренда надеется, что этот аргумент меня растрогает, но этого не происходит. Откуда мне знать, чего хотел Алекс? Мы с ним никогда не говорили о детях.

– Шарлотта, это чудо, как ты не понимаешь? Алекс продолжает жить!

Бренда смотрит на мой живот, скрытый столом, словно это может придать ее словам большую значимость, но я отворачиваюсь. Что бы она ни говорила, Алекс умер, и этот ребенок не вернет его. Карл накрывает ладонью мою руку, и мое внимание переключается на него.

– Шарваз, у нас есть деньги.

Я отвечаю самым сердитым взглядом, какой только имеется у меня в запасе, и намереваюсь встать. Карл хватается меня за руку, чтобы удержать, и спешно добавляет: они очень хотят мне помочь, и все, что от меня требуется, – это сказать, что мне нужно. Я неловким движением сбрасываю его руку и гневно ударяю по столу кулаком:

– Единственное, что мне нужно, – это Алекс!

Все мое существо сотрясается от неописуемой ярости, и, пользуясь моментом, я проговариваю все, что у меня на сердце: что Алекс не имел права меня бросать, что он обещал быть со мной, и вот я снова оказалась одна на белом свете! И категорично заявляю: я не желаю жить как моя мать! Очень трудно растить ребенка, когда тебе некому помочь. Я это знаю, я это испытала на собственной шкуре.

– Но ты не одна на белом свете! – перебивает меня Бренда. – Этот ребенок – Эванс, и теперь мы – твоя семья.

Ее голос дрожит, и по тому, как она всхлипывает, я понимаю, что мои слова ее обидели. В кухне ненадолго устанавливается тишина, потом Карл предпринимает попытку несколько смягчить мои слова. Он поясняет матери, что здесь, в Монреале, у меня никого нет и она не может знать, каково это – никогда не иметь семьи. Бренда приводит свои доводы, заверяет меня, что с удовольствием станет меня навещать и могла бы даже нанять для меня помощницу по дому. Я слушаю их и молчу, как будто это совершенно меня не касается.

Не знаю почему, но Бренда вдруг начинает плакать. Может, это из-за того, что я не отвечаю, но я не нахожу в ее словах утешения. Наоборот, мне трудно выносить ее шумные излияния. Не успели мы похоронить Алекса, как разразилась новая драма! У меня такое чувство, будто, избавившись от ребенка, я во второй раз разобью ей сердце, и, честно говоря, я не уверена, что у меня хватит на это силы воли... И вот, все еще стоя у стола, я говорю шепотом:

– Послушайте, Бренда... Я еще раз все обдумаю.

Несколько долгих секунд она смотрит на меня заплаканными глазами, чтобы убедиться в моей искренности. После чего следует вопрос: я говорю это только потому, что хочу получить отсрочку, или же вправду намерена рассмотреть проблему со всех сторон? Я тяжело вздыхаю. Единственное, чего я хочу, – это чтобы больше никто не плакал. Разве мало мне горя после смерти Алекса? И не проще ли решить все проблемы одним махом, пока они не усугубились? Это печально, но я вижу ситуацию именно в таком свете: ребенок – слишком тяжелая ноша, и я не готова размышлять о нем всерьез. Но сказать это им в лицо я не могу, поэтому даю тот ответ, который Эвансы хотят услышать:

– Мне нужно немного времени, чтобы обо всем подумать.

– Конечно, тебе нужно подумать!

Бренда вскакивает со стула, заключает меня в объятия, благодарит снова и снова. Это так трогательно, что я спрашиваю себя: уж не прозвучало ли за столом что-то такое, чего я говорить не собиралась? Ее бурная эмоциональность меня смущает, но и отстраниться сейчас было бы невежливо. Угадав мое состояние, Карл просит мать оставить меня в покое. Глядя на нее, он, похоже, тоже испытывает некоторую неловкость, отчего атмосфера в комнате не становится менее напряженной. Наконец Бренда меня отпускает, рассыпается в извинениях и подает на стол шоколадный торт. Наверное, он очень вкусный, но я этого не ощущаю. Во рту у меня стоит привкус слез...

Я выхожу из квартиры Алекса в десять вечера. Карл провожает меня до машины. Пока мы спускались, он не проронил ни слова, лишь когда я открываю дверцу, он говорит:

– Шарлотта, спасибо за то, что пришла.

Не знаю почему, но я истолковываю это как попытку завязать разговор. Я закрываю дверцу и поворачиваюсь к Карлу лицом.

– Почему ты не стал уговаривать меня оставить ребенка, как это делала твоя мать?

Он раздумывает над ответом так долго, что я спрашиваю себя, а понял ли Карл мой вопрос. И вдруг он выдает такое количество слов, какого я за все это время от него не слышала: что его мать очень хочет этого ребенка, что она готова на все, лишь бы я его оставила, но единственное, что по-настоящему важно, – это чтобы я была уверена в своем решении.

Мне не очень приятно это слышать. Его слова напоминают мне о том, какая на мне лежит ответственность. Почему Карл не пытается меня уговорить? Словно почувствовав мою тревогу, он кладет руки мне на плечи и, глядя в глаза, произносит:

– У тебя есть выбор, Шарлотта. Решений может быть несколько.

И Карл начинает перечислять: сделать аборт, оставить ребенка себе, отдать его на усыновление, положить в корзинку и пустить по реке, продать через Интернет (по его словам, масса людей готовы заплатить за ребенка большие деньги). Потом выпячивает грудь и шуточно добавляет, что гены у Эвансов отличные. Все это – полнейший абсурд, но ему удается меня рассмешить. После стольких драм так приятно хоть чуточку сбросить напряжение!

Мой смех затихает, и мы какое-то время молча стоим в темноте. Я отвожу глаза и спрашиваю:

– Как ты думаешь, я должна его оставить?

Карл прислоняется спиной к машине, поджимает губы. Следует продолжительное молчание, словно ему есть над чем поразмыслить. Но ответ я получаю простой:

– Не знаю.

Я бы предпочла услышать, что он обо всем этом думает. Пускай скажет, что мне делать, потому что сама я... Словом, у меня никак не получается заглянуть дальше настоящего момента.

– А ты хочешь этого ребенка?

– Проклятье! Карл, ты думаешь, это так просто?

– Ну да. Думаю, да.

Мои руки безвольно повисают вдоль тела, и, не будь они так хорошо прикреплены к плечам, наверное, отвалились бы и упали на асфальт. На короткий миг чувство, с которым я не могу совладать, меня ослепляет, и это чувство – гнев. Я срываюсь на крик:

– Ты думаешь, это просто – одной растить ребенка?

Слова ранят мне горло, как лезвие бритвы, в глазах снова начинает щипать. Я нащупываю дверцу, с усилием ее открываю, но Карл не дает мне сбежать. Он захлопывает дверцу, хватая меня за руку и пытается повернуть так, чтобы мы снова оказались лицом к лицу.

– Шарлотта, ты не понимаешь!

– Отпусти меня!

– Принять решение просто, потому что тебе не придется воспитывать этого ребенка одной!

Я настолько ошарашена, что отвечаю на это нервным смешком, и слезы, которые я столько времени сдерживала, выплескиваются наружу. А Карл говорит быстро-быстро:

– Если ты хочешь этого ребенка, я тебе помогу. Если ты его не хочешь, я все равно тебе помогу. Все на самом деле просто! Шарлотта, что бы ты ни решила, ты можешь на меня рассчитывать. Выход есть всегда.

В груди у меня все сжимается, и я смотрю на него с удивлением. Эту фразу я часто слышала от Алекса: *«Выход есть всегда»*. Плач переходит в рыдания, и Карл прижимает меня к себе. А ведь я целый день молилась о том, чтобы Алекс послал мне знак! И вот я слышу из уст брата его слова! Что это? Может, тот самый знак? Я не знаю, что обо всем этом думать. Так да или нет?

Карл поглаживает меня по спине и нашептывает свое, уже ставшее привычным, *«это пройдет»*, от которого у меня мороз пробегает по коже. Я трясую головой и выкрикиваю:

– Нет, не пройдет!

И, упираясь лбом Карлу в плечо, обрушиваю на него поток сожалений и упреков. Его брат – последний мерзавец! Какое он имел право так со мной поступить? Он обязан был проснуться, когда я сказала, что беременна! Как он посмел бросить меня в таком состоянии? Мне страшно... Я совсем одна, и я не знаю, что надо делать, чтобы ребенку было хорошо. А мать Алекса все время давит на меня, чтобы я согласилась...

Не знаю, понял ли Карл хотя бы половину моих слов, потому что я бормочу по-французски ему в плечо, но он все так же меня обнимает и молча гладит по волосам. Я повторяю одну и ту же фразу много раз, словно звучание этих слов способно утешить, но сейчас, разумеется, не тот случай. В конце концов я замолкаю, а дилемма, которая раздирает меня на части, остается. И еще остается печаль.

Когда наступает затишье, Карл обнимает меня крепче, словно хочет защитить от чего-то, что так и не происходит. Это приятно, и наше молчание для меня ценнее, чем все слова во вселенной.

Я делаю шаг назад, высвобождаясь из объятий Карла, сбивчиво извиняюсь за свою истерику, но он мотает головой, делает мне знак замолчать и тихо говорит, что это не важно, что я просто очень устала и нуждаюсь в отдыхе. Карл прав: вся эта история заставила меня порядком понервничать.

– И надо же было твоей матери увидеть этот чертов тест на беременность! – шепчу я, сжимая кулаки.

– Нет! Пожалуйста, не говори так!

Судя по всему, мои слова его взволновали. Карл качает головой и снова говорит, что мне не придется переживать это испытание в одиночку. Он говорит почти то же самое, что и Бренда: что этот ребенок – радость, ниспосланная нам в нашем горе, это – чудо, подарок Небес. Я закрываю глаза, обхватываю голову руками. Я не хочу этого слышать. Что я могу дать своему малышу? И зачем он мне вообще нужен теперь, когда нет Алекса? Я не хочу быть для Бренды источником надежды. Я вообще ничем ни для кого не хочу быть!

– Шарлотта, я на твоей стороне. Ты не одна. Мы тебе поможем.

Карл берет мою руку, поднимает ее так, чтобы я увидела обручальное кольцо, повторяет, что я больше никогда не буду одинока. Мой ум отказывается воспринимать его слова, но Карл настаивает, опровергает все мои протесты: Алекс хотел бы, чтобы его мать и брат обо мне позаботились, чтобы они помогли мне растить его малыша. Он не хотел умирать, просто смерть оказалась сильнее, иначе он бы обязательно вернулся. Ради меня. Ради ребенка. У меня возникает ощущение, что Карл говорит то, что мне хочется услышать. Это ли знак, которого я ждала? Может, Алекс и вправду пытается помочь мне оттуда, где он сейчас нахо-

дится? Может, не в его силах было вернуться и таким образом он хочет навести порядок во всем том бардаке, который остался после него в моей жизни? Может, тестовая полоска все-таки неслучайно выпала из кармана моего пальто? Это сильнее меня, мне хочется в это верить. Это выше моих сил – представить, что все в этом мире утратило смысл, что смерть Алекса была бессмысленной!

Карл наклоняется ко мне, потом присаживается на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне:

– Ты слишком устала, чтобы об этом думать. Поезжай домой, поспи. Шарлотта, никто не станет торопить тебя с выбором.

Его слова меня огорчают. Я бы предпочла вернуться домой с готовым решением, с планом действий или с надеждой, но ничего этого у меня нет. Все, что было сегодня сказано между нами, все эти пролитые мной и Брендой слезы – все бессмысленно. Я по-прежнему нахожусь в исходной точке.

Я смотрю, как Карл открывает дверцу моей машины, а сама в это время застегиваю ремень безопасности. Карл заводит разговор о погоде: на завтра обещают похолодание, так что мне лучше одеться потеплее. Я молча киваю, но он придвигается ближе, чтобы лучше меня видеть, и с тревогой спрашивает, в состоянии ли я вести машину.

Ко мне тут же возвращается выдержка. Я пытаюсь улыбнуться, кладу руки на руль.

– Я буду ехать осторожно.

– О'кей.

Карл выпрямляется, но дверцу не закрывает. Создается впечатление, что ему не хочется меня отпускать. Я заверяю его, что со мной все в порядке, просто мне было бы легче, если бы я вернулась домой, уже зная, что мне делать. Карл снова наклоняется, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Составь список позитивных и негативных моментов. Уверен, тебе это поможет.

– Не думаю, – тут же возражаю я.

– У тебя есть идея получше?

Я виновато опускаю голову. Нет, идеи получше у меня нет, но я уже знаю, что жизнь без Алекса очень тяжела и у меня не хватит сил заниматься еще и ребенком.

– Я не хочу растить ребенка одна, – повторяю я.

– И все-таки составь список! А я составлю свой, и вместе мы найдем решение.

С улыбкой Карл выпрямляется, легонько постукивает по крыше моего авто.

– Поезжай домой! И спокойной тебе ночи! Будь внимательна на дороге, о'кей?

Я тихонько киваю и на обратном пути, почти до самого дома, думаю об этой затее со списком.

Нет ничего хуже, чем чувствовать себя усталой и в то же время мучиться от бессонницы. С тех пор как Алекса не стало, меня не покидает ощущение, что все вокруг рассыпалось, как от землетрясения, и теперь мне нужно отстраивать это заново. И с чего, скажите, мне начать? Вдобавок ко всему есть проблемы и помимо траура... Мысли о ребенке отвлекают мое внимание, вытесняют воспоминания об Алексее, которые я хотела бы удержать в памяти.

Жан звонит в дверь моей квартиры в восемь утра. Он встревожен, потому что вчера вечером я так ему и не позвонила. Вид у меня наверняка жуткий: я до сих пор в ночной рубашке, к тому же только что меня стошнило и я «выдала назад» все съеденное накануне. Больше всего мне сейчас хочется вернуться под одеяло и подождать, пока пройдет тошнота. Жан шагает напрямик в квартиру, кладет на стол пакет с пирожными, а следом за ним ставит два стаканчика с кофе.

– Этот – без кофеина. – И он указывает на стаканчик пальцем.

Я тянусь за другим стаканчиком, но Жан успевает схватить его раньше и просит перестать дурачиться. Присев на стул, он начинает разговор с того, что в жизни у меня сейчас черная полоса, и это понятно, и что со смертью Алекса многое переменялось, но это не значит, что мне не нужно о себе заботиться. И, конечно, упоминает о ребенке. Мне, должно быть, придется смириться с тем, что теперь это – основная тема. Морщаась, я падаю на стул и подношу стаканчик к губам.

– Тебе не кажется, что родственники Алекса имеют право об этом знать? – внезапно задает вопрос Жан.

– Они знают.

Он не ожидал такого ответа и чуть было не пролил кофе, когда пытался поставить его на стол.

– Что? Откуда они могут знать?

Краснея от стыда и через слово обзывая себя идиоткой, я рассказываю ему историю с пальто. И почему только я не выбросила этот тест? Когда Жан спрашивает, что я теперь собираюсь делать, я завожусь с пол-оборота. Полночи я составляла этот список, все свои доводы помню наизусть, так что изложить их не составляет труда: я не могу оставить ребенка, потому что я одинока и потому что у меня нет ни денег, ни семьи.

– А Эвансы?

Я отвечаю на вопрос: Эвансы живут далеко, это не считается. И даже если бы они захотели как-то участвовать в жизни моего малыша, это только усложнило бы ситуацию.

– То есть ты хочешь сказать, что...

Я шумно вздыхаю, не давая Жану закончить. Какими бы железными ни выглядели мои аргументы, сомнения все равно остаются: если я сделаю аборт, меня будет преследовать мысль, что я убила то небольшое, что осталось у меня от Алекса, не говоря уже о надеждах Бренды. И что Эвансы уедут к себе в Англию, оплакивая не одного члена семьи, а двух... Смогу ли я жить с таким грузом на совести? Не знаю... Какое бы решение я ни приняла, это будет нелегко. «Нелегко» – это слово постоянно крутится у меня в голове.

– Шарлотта, ты ведь не сделаешь аборт? Мы оба знаем, что Алекс хотел бы, чтобы этот ребенок родился!

– Алекс умер! Если он хотел этого ребенка, то мог бы остаться в живых!

Я срываюсь. Легко Жану говорить! И вообще, почему все вокруг считают, будто вправе диктовать, что мне делать с этим ребенком? Если бы я могла, я бы вырвала его из своего чрева, положила бы на стол, и тем, кто знает, как с ним надо поступить, осталось бы только забрать его и дать ему лучшую жизнь, чем была бы у него, останься он со мной.

– Шарлотта, я тебе помогу!

Я отмахиваюсь, даже не попытавшись вникнуть в сказанное. Почему Жан должен мне помогать? Все это не имеет к его жизни ни малейшего отношения. Я могу понять, почему Бренда так заинтересована в рождении малыша, которого я ношу под сердцем, – в нем частичка Алекса, но слова Жана не производят на меня ни малейшего впечатления. Однако не его мне сейчас важно убедить, а Карла.

Мои мысли разбегаются. Бренда уже вырастила двух сыновей, и наверняка она лучше сумеет позаботиться о моем малыше... Нет, я этого не хочу. Не спорю, я не смогу обеспечить своего ребенка всем самым лучшим, и все же я слишком эгоистична, чтобы отдать его на воспитание кому-то другому. Больше всего я бы хотела, чтобы это дитя никогда не вышло из меня. Или пусть бы я поносила его еще несколько месяцев или лет, пока не буду готова... Насколько бы это упростило дело!

Жан говорит и говорит, но я его не слышу. Я перебираю в уме пункты из своего списка. Ищу что-нибудь сильное, неопровержимое. Что дало бы мне уверенность. И ничего не нахожу. Со вчерашнего вечера меня преследуют мысли о моей матери. Ей бы жилось

намного проще, если бы не родилась я. Думала ли она когда-нибудь, что совершила ошибку? Сожалела ли, что не сделала аборт?

А я? Смогу ли я жить, зная, что избавилась от последнего подарка, сделанного мне Алексом? Я тереблю пластиковый стаканчик с кофе, мысленно ища ответ на вопрос, который до этой минуты не решалась себе задать: хватит ли у меня духу сделать аборт? Смогу ли я уничтожить частичку Алекса, которая живет в моем лоне? Думаю, это проще сказать, чем сделать...

Если бы я могла выбирать, я бы предпочла, чтобы Небеса не делали мне такого подарка или чтобы он исчез без каких бы то ни было усилий с моей стороны.

Глава 5

Список

– Я сделала то, что ты просил! – говорю я, вихрем врываясь в квартиру Алекса.

Вежливо улыбаясь, Карл дает мне пройти и следит за мной взглядом, пока я не оставлюсь в центре гостиной. В дверном проеме появляется Бренда, в руках у нее какие-то документы. Она здоровается со мной, но, сообразив, что я пришла отнюдь не для того, чтобы сообщить ей приятную новость, мрачнеет. Судя по ее виду, Бренда готовится к худшему. Я тоже нервничаю, но на мое настроение влияет целая куча событий, которые не имеют к ней никакого отношения – недосыпание, нехватка кофеина и, конечно, желание как можно скорее решить этот вопрос раз и навсегда. Стараясь не демонстрировать раздражение, я поворачиваюсь к Бренде и объявляю, что хотела бы побеседовать с Карлом наедине.

– Что-то случилось? – спрашивает она.

Карл жестом просит мать выйти, однако Бренда не торопится. Складывается впечатление, будто она надеется, что я передумаю и позволю ей остаться.

– Я написала список, и я не могу оставить ребенка! – Я стараюсь говорить тихо и быстро, чтобы Бренда не услышала из другой комнаты.

– О чем ты? Шарлотта, я не могу понять, что ты несешь!

Карл смотрит на меня, словно я сошла с ума, хотя, возможно, он не так уж и не прав: в голове у меня каша, и сколько бы я ни пыталась рассуждать, к окончательному выводу я так и не пришла. Я пытаюсь объяснить ход своих мыслей, все время сбиваюсь и в конце концов выдаю, что деньги в моем случае, конечно, играют большую роль, поскольку на ребенка нужно много тратить, а у меня нет ничего, и честно признаюсь, что, сделав аборт, впоследствии могу об этом пожалеть. Но мне придется пойти на этот шаг, потому что положение у меня безвыходное. Я не готова к таким испытаниям. У меня нет времени, и, может статься, материнского инстинкта тоже нет. Откуда мне это знать, ведь я никогда не имела дела с грудными младенцами.

Фразы получаются обрывочные, и, в сущности, мне плевать, понимает Карл, что я говорю, или нет. Я просто хочу повернуть разговор в нужное мне русло, прежде чем он озвучит свои аргументы. Нужно, чтобы Карл помог мне убедить Бренду... Нелегко будет устоять перед ее просьбами, и особенно – перед ее слезами.

Истошив запас доводов, я обессиленно опускаюсь на диван и разражаюсь рыданиями. Может, это потому, что за все это время Карл не проронил ни слова, не попытался мне возразить? Он даже ни разу не шевельнулся, словно своими рассуждениями я пригвоздила его к стене. Карл стоит в другом конце комнаты и внимательно смотрит на меня. Наверное, пытается все разложить по полочкам, перевести незнакомые фразы или же просто понять излившийся на него поток бессвязных слов... Когда становится ясно, что я закончила, Карл подходит и садится рядом со мной.

– Шарлотта, я не хотел... Мне очень жаль.

Он кладет руку мне на плечо – осторожно, словно я невероятно хрупкая. В общем-то, так оно и есть, и в тот момент, когда Карл повторяет, что ему жаль, я вдруг раскисаю, как снег на солнце, и падаю в его объятия. Карл гладит меня по волосам и ждет, пока я хоть немного успокоюсь, прежде чем спросить почти шепотом:

– Так ты составила список?

Я протягиваю ему кулак. Карл по одному разжимает мои пальцы, пока не показывается смятый клочок бумаги, на котором я записала целую кучу причин, заставляющих меня отказаться от ребенка. Карл разворачивает листок и старательно прочитывает каждое слово

– даже те, что я зачеркнула. Вертит его так и эдак, потому что это больше напоминает мозаику, а не список.

– Ясно... Ты не хочешь оставлять ребенка, я правильно понял?

Его вопрос меня ранит, потому что в устах Карла это звучит как утверждение. Изумленная, я вырываю листок и начинаю трясти им у него перед лицом:

– Ты прекрасно видишь, что это невозможно!

– Это не невозможно, если ты действительно этого хочешь! Но ты ведь не написала ни одной причины, которая бы свидетельствовала о том, что ты хочешь оставить малыша.

Слова Карла кажутся мне несколько суховатыми, и под его взглядом я чувствую себя как ученица, не сделавшая домашнего задания.

– Понимаешь... Я думала, что ты будешь... Ну, что ты попытаешься меня переубедить.

– Я? Нет! Шарлотта, растить ребенка придется тебе. Значит, и решать тебе.

Карл достает из кармана брюк листок, куда более чистый и гладкий, чем мой. На нем – действительно список, а не мешанина слов, половина из которых заштрихована чернилами. Две аккуратные колонки – аргументы за мою беременность и против. Карл признаётся, что рассчитывал увидеть похожий список, но если я лишь ищу повод, чтобы сделать аборт, то вообще непонятно, чего я от него жду.

– Я стараюсь найти решение! – занимаю я оборонительную позицию.

– Шарлотта, я на твоей стороне...

Голос Карла звучит мягко. Я знаю, что он пытается помочь, и поэтому мне трудно ему возражать. Карл прав: я ищу способ устранить проблему, чтобы больше о ней не думать. Он берет в руки мой список, перечитывает, потом пожимает плечами, озадаченный количеством аргументов, которые я смогла найти за такое короткое время.

– Значит... в большей степени это из-за денег?

– Что? Нет, не только.

Мне неприятно, что Карл воспринимает все, что я написала, через эту призму. Он указывает на отдельные строчки в моем списке, проверяет, правильно ли понял смысл, переводя на английский. Сама того не желая, я пытаюсь оправдать каждое слово, которое он расшифровывает, как если бы чувствовала себя виноватой за то, что вижу для своей беременности один-единственный исход. Я говорю Карлу, что ребенку нужно много такого, чего у меня нет. И это никак не связано с деньгами – время, собственная комната, режим дня...

– Значит, если бы у тебя все это было – время, четкий график работы и комната для малыша, – ты бы решилась?

– Нет! – вспыхиваю я. – То, чего я хочу...

Я задерживаю дыхание, чтобы не вырвались наружу слова, которые теснятся у меня в горле, и снова, как идиотка, начинаю рыдать. Единственное, чего я хочу, – это чтобы Алекс был со мной, но это невозможно. Я не хочу ребенка для себя одной. Не хочу тащить на своих плечах все тяготы жизни. Я боюсь, что по прошествии лет могу упрекнуть свое дитя в том, что из-за него моя жизнь не удалась. Стоит ли повторять ошибки своей матери?

Понуриив голову, я читаю список Карла в надежде найти там что-нибудь более оптимистичное, но натываюсь на доводы против беременности: одиночество, нехватка средств, отсутствие семьи, сожаления и страх.

– И это все? – спрашиваю я с грустным видом.

– Ну да. Мне очень жаль.

Его извинения заставляют меня поморщиться. Но разве не надеялась я в глубине души, что список Карла окажется менее убедительным, чем мой? Я разочарована, о чем и заявляю с печальным видом.

– Я бы предпочла, чтобы... Ну, не знаю... Может, я ждала, что ты попытаешься меня переубедить? – едва слышно бормочу я.

– Хочешь, чтобы я попробовал?

Я вздыхаю, потом киваю головой. Хочу ли я, чтобы кто-нибудь попытался опровергнуть мои доводы? Не уверена, но я согласна, чтобы Карл на несколько минут стал моим оппонентом, хотя бы для того, чтобы потом мне было легче смотреть в глаза Бренде. Он ненадолго задерживает взгляд на своем списке, потом указывает на один пункт пальцем:

– А ты не пожалеешь о своем решении? Ну, если сделаешь аборт?

Я вздрагиваю так, словно он нанес мне смертельный удар, хотя бой по-настоящему еще и не начался. Опасаюсь ли я того, что буду жалеть? Ну конечно! И тут же предпринимаю попытку оправдать свое решение:

– Ты не понимаешь! Мне нечего предложить этому ребенку! И у меня будет столько же поводов пожалеть об аборте, как и о том, что я его родила!

– Этого ты знать не можешь.

– Карл! Я не могу растить ребенка в одиночку! – не уступаю я. – Ты не представляешь, что это такое! А вдруг со мной что-то случится, кто тогда о нем позаботится? Я через это прошла, и поверь... это нелегко.

У меня из глаз брызжут слезы, и Карл меня обнимает, шепчет, что я переутомилась и в мыслях у меня кавардак. Снова говорит, что мне нужно время, что завтра станет легче. Я трясую головой, потому что он лжет. Разве не говорил он мне то же самое вчера? Но для меня так ничего и не изменилось. Завтра будет всего лишь еще один день без Алекса, и никакие деньги мира этого не изменят.

Я плачу, сбивчиво втолковывая Карлу, что я сейчас чувствую, почему я злюсь и как мне не хватает Алекса. Вряд ли он что-то понимает, но мне плевать. Все, чего я хочу, – это чувствовать, как Карл меня обнимает, и чтобы мне стало хоть немного легче. А еще мне бы хотелось не ощущать себя такой одинокой...

Когда я открываю глаза, на часах почти четыре пополудни. Я лежу под одеялом в кровати, которая мне не принадлежит и которая так хорошо мне знакома, – это кровать Алекса. Не помню, как я заснула, но я даже рада, что на эти несколько часов мне удалось забыть обо всех своих проблемах. Я понемногу стряхиваю с себя сонливость, вместо того чтобы вскочить с постели. В этом состоянии есть своя прелесть: паришь в какой-то дымке и ни о чем не думаешь, а реальности как будто вообще не существует... Но и это блаженное забытие не длится вечно, и в голове у меня снова начинают роиться мысли: смерть Алекса, ребенок... И этому нет конца! Я отбрасываю эти мысли вместе с одеялом, одеваюсь, наскоро причешиваюсь и выхожу из спальни.

Бренда и Карл разговаривают за столом в кухне, перед ними – множество документов и ноутбук, который я вижу впервые. Я сразу становлюсь центром внимания: Бренда вскакивает, чтобы приготовить для меня горячий шоколад, а Карл опускает крышку компьютера и спрашивает, хорошо ли я отдохнула. Он начинает сгребать бумаги в стопку, чтобы освободить угол стола, и я невольно заглядываю поверх его руки. И замираю от удивления, увидев какие-то бланки и нотариальные акты.

– Не смотри пока, дорогая, документы еще не готовы, – говорит Бренда, глядя на меня через барную стойку.

Я делаю шаг назад, как ребенок, которого застигли за рассматриванием чего-то недозволенного. Но Бренда продолжает говорить доброжелательным тоном – сообщает, что связалась с нотариусом и попросила приготовить новые документы, по которым все имущество Алекса перейдет ко мне. Я присаживаюсь на другом конце стола, подальше от бумаг. Карл возвращается на свое место, справа от меня, и заводит разговор о квартире. Натолкнувшись на его вопрошающий взгляд, я мысленно прокручиваю то, что он только что сказал, и пони-

маю, что он предлагает мне переехать сюда. Я смотрю на него озадаченно, и вдруг из-за барной стойки звучит голос Бренды:

– Но если ты хочешь переселиться в эту квартиру... мы с Карлом можем помочь тебе... перевезти вещи.

– Может, Шарлотта захочет ее продать, – перебивает Карл мать.

И начинает мне объяснять, что место неплохое и я наверняка получу хорошие деньги и смогу отложить их про запас.

– Я как-то об этом не думала, – бормочу я растерянно.

– Разумеется, ты об этом не думала!

Бренда возвращается с двумя чашками горячего шоколада и говорит Карлу, что я, конечно же, не могу принять такое важное решение, не разобравшись в деталях. Она ставит перед нами по чашке, потом приносит еще одну для себя и садится за стол. Я не решаюсь нарушить установившуюся тишину. Я жду, когда мне объяснят, что вообще происходит.

Устроившись напротив меня, Бренда выбирает лист из аккуратно собранной Карлом стопки и протягивает его мне. Выясняется, что это – перечень имущества Алекса и его приблизительная стоимость. Список короткий, но суммы в нем указаны значительные: квартира, автомобиль, компания по продаже мотоциклов и два личных банковских счета, не говоря уже о страховых полисах, о стоимости которых Бренда не имеет представления. Я отталкиваю документ и отворачиваюсь, ощущая некоторую неловкость, ведь это все-таки личная информация.

– Алекс оставил не так уж много, – продолжает Бренда. – Но это может тебе помочь...

Я смотрю на нее изумленно: как можно говорить такое? Это – не много? Я ловлю себя на том, что гляжу на цифры. Только на банковских счетах у Алекса в общей сумме почти тридцать тысяч долларов!

Не замечая моего удивления, Бренда советует мне продать машину и поинтересоваться у Жана, не хочет ли он выкупить долю Алекса в «Motorama», но Карл ее перебивает. По его мнению, мне пока не следует делать никаких ответственных шагов. Он говорит, что еще не видел последних финансовых отчетов фирмы, и с его губ слетает масса не понятных для меня терминов: «соглашение о партнерстве», «стоимость помещений», «невыплаченные обязательства»... Я трясусь головой, чтобы он замолчал:

– Я ничего в этом не понимаю!

Бренда накрывает руку сына ладонью, и он замолкает на середине фразы, а потом указывает глазами на список:

– Все это предназначается тебе.

Мой взгляд снова скользит по колонке цифр. Все эти деньги – мне? У меня появляется давящее ощущение в груди, и я механически подношу к губам чашку с шоколадом. В голове полная неразбериха: а почему, собственно, меня это удивляет? Разве вчера Бренда не упомянула о том, что они хотят отдать мне все, что осталось после Алекса? Может, так они надеются купить ребенка, которого я ношу?

Шоколад обжигает мне губы, но я все равно делаю глоток. Я сосредоточиваюсь на вкусе напитка, и это помогает мне остаться здесь, с ними, потому что больше всего мне сейчас хочется закрыть глаза и ни о чем не думать. Карл снова заговаривает об акциях, о ценах на недвижимость, денежных переводах. Но я продолжаю мотать головой, что должно означать «нет», «нет» и «нет». Как они могут мне все это отдать? Даже если учесть, что мы с Алексом вместе не один месяц, наша помолвка состоялась недавно, мы даже не жили в одной квартире! По закону все его имущество должно перейти семье.

– Шарлотта, подумай о будущем! – с притворной строгостью говорит мне Бренда. – Мне показалось, что тебе нравится эта квартира. И если ты решишь оставить малыша...

– Мама!

– А что? Пускай Шарлотта об этом подумает! – чуть повысив голос, обращается она уже к Карлу. – Это поможет ей взглянуть на ситуацию под другим углом...

Сердитым взглядом сын пытается заставить ее замолчать, но Бренда и не думает подчиняться. Она толкает листок обратно, в мою сторону, и постукивает по нему пальцами.

– Все это перейдет к тебе! Алекс хотел бы этого. Будет ребенок или нет – не важно.

Последнюю фразу Бренда произносит очень быстро и тут же поджимает губы – верный признак того, как трудно ей примириться с мыслью, что я могу и не оставить малыша. Я подношу чашку к губам снова и снова, отпивая по глоточку. Пытаюсь убедить себя, что мне на все плевать, что это – дурной сон и в конце концов я обязательно проснусь. А может, если очень в это верить, Алекс вернется и мне не придется заниматься всем этим в одиночку. Ни делами, ни ребенком, ни своей жизнью, которая разбилась вдребезги.

Карл перехватывает инициативу и говорит мне, что еще есть время подумать и, в любом случае, нужно дождаться бумаг от нотариуса, чтобы оформить переход имущества Алекса ко мне. Наверное, заметив, что я стараюсь не смотреть на разложенные на столе бумаги, Карл берет одну из них и кладет прямо передо мной – мой помятый листок со списком – и указывает пальцем на один из пунктов.

– Ты говорила, что деньги – это основная проблема, – напоминает Карл. – Но теперь она решена.

– А если тебе нужно больше... – добавляет Бренда.

Карл сердится:

– Мама!

Он в который раз просит ее помолчать и напоминает: о том, чтобы меня подкупить, не может быть и речи. Бренда грустно кивает, и Карл переключает внимание на меня.

– Так, с этим решили. Что дальше?

И он вычеркивает из моего списка пункт о расходах на ребенка, как будто этот вопрос закрыт. Потом испытующе глядит мне в глаза, и я понимаю, что Карл ждет от меня дальнейших возражений. И хотя я знаю все пункты из своего списка на память, я все равно смотрю на листок и говорю:

– Я не хочу воспитывать ребенка одна.

– Дорогая, ты не одна! – растроганно шепчет Бренда. – Теперь у тебя есть мы! Скажи ей, Карл!

Она легонько хлопает сына по плечу, словно прося подтвердить это, и он кивает. Мне же кажется, что мои слова его огорчили. В данном случае деньги не помогут: все-таки Эвансы живут на другом конце света. Бренда настаивает, что Карл должен сказать мне еще что-то, но он мягко ее осаживает, просит не спешить, поскольку я еще не готова это воспринять и сначала нужно проконсультироваться с семейным адвокатом, а уже потом посвящать меня в их планы. Я подскакиваю на стуле.

– Зачем понадобился адвокат?

– Мама, перестань! – протестует Карл. – Посмотри, ты еще больше напугала Шарлотту!

Бренда улыбается, давая понять, что тревожиться не о чем, но в голове у меня уже сформировался вопрос: зачем нужен адвокат? Зачем? Неужели они могут заставить меня сохранить этого ребенка? Карл придвигается ко мне, чтобы объяснить, в чем, собственно, дело.

– Адвокат понадобится, если ты решишь оставить ребенка. Нужно будет уладить формальности с деньгами и кое-какие семейные вопросы. Но на данный момент это совершенно не важно, о'кей?

Он чем-то расстроен. Может, тем, что пришлось сказать больше, чем ему хотелось, или он просто чувствует, что своими словами напугал меня еще сильнее. Если Эвансам вдруг

понадобился адвокат, это может означать лишь одно: они что-то от меня скрывают. Что? Я думаю о незначительной сумме, которая лежит на моем банковском счете, и о том, что лучше было бы сбежать. Причем не только из этой квартиры, но и из города. И зачем они все усложняют? У меня и так теперь не жизнь, а сплошной кавардак...

Я отодвигаю стул, чтобы встать и уйти, но Карл хватается меня за руку, берет свободной рукой документы, рассыпает их передо мной и выхватывает тот, на котором нарисованы какие-то схемы.

– Шарлотта, вот все возможные варианты выхода из твоей ситуации. Взгляни!

И он по очереди указывает на элементы схемы, комментируя каждый. Вот вариант, где я делаю аборт. Здесь – отдаю ребенка на усыновление. Здесь – оставляю его себе. От третьего прямоугольника отходит несколько стрелок, и многие варианты этого уровня под вопросом: «Наследство?», «Право навещать ребенка?». Потирая лоб, я пытаюсь разобрать почерк Карла, понять, на каком языке это написано и как эти блоки связаны между собой, потому что некоторые стрелки пересекаются. Через десять минут Карл убирает листок из моего поля зрения и заставляет обратить внимание на него.

– Адвокат понадобится только в том случае, если ты решишь оставить ребенка, – повторяет он. – Пойми, моей матери так хочется, чтобы...

– Но... я ведь не уверена, что сохраню беременность!

– Ты обещала подумать, – напоминает мне Бренда.

По ее мнению, этот ребенок – благословение: он поможет мне пережить траур, и благодаря ему у меня появится семья. Судя по всему, они о многом успели подумать, пока я спала. Бренда заявляет, что готова на все, чтобы мне помочь. В этот момент сын в который раз перебивает ее и, чтобы разрядить обстановку, сообщает мне, что Бренда даже наводила справки о том, можно ли ей меня удочерить. Смех у меня получается несколько нервный, и я по очереди смотрю то на Карла, то на его мать. Это ведь шутка, правда?

Карл тычет пальцем в мой помятый список и напоминает, что среди причин, по которым я не хочу оставлять малыша, я сама указала, что у меня нет семьи. Но у меня в голове не укладывается то, что он говорит. Я, конечно, подозревала, что Бренда готова на все ради этого ребенка, но что она всерьез планирует меня удочерить – меня, которая одна на целом свете... Это очень трогательно. И я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Идея, конечно, глупая, но мне она нравится.

– Видишь? Шарлотта меня понимает! – восклицает Бренда, которая не сводит с меня глаз.

Любопытство берет верх, и я прошу показать, что еще они придумали. Карл пытается меня отговорить, но я настаиваю и тяну листок к себе. Я с трудом разбираю его почерк, задаю массу вопросов по поводу примечаний на полях. Бренда поясняет, что она уже справлялась у адвоката, будет ли у нее, как у бабушки, право навещать внука. Я смотрю на нее с искренним изумлением:

– Но я бы никогда не стала запрещать вам с ним видеться!

– Это всего лишь формальность, – говорит Карл. – Хотелось бы учесть все детали.

Он снова тянет листок к себе, но я держу крепко и указываю на фразу в уголке: «Фамилия – Эванс?», над которой, обведенное в кружок, написано имя «Карл». Я спрашиваю, что это означает, а он вдруг хмурится, дергает листок – и тот в конце концов выскальзывает у меня из пальцев. Карл говорит, что пока еще рано обсуждать этот вариант и что все это не имеет абсолютно никакого значения, пока я не приняла решение. Потом берет чашку с шоколадом и выпивает его одним глотком.

– Она имеет право знать! – не уступает Бренда.

– Только когда решение будет принято!

Я хмурюсь, потому что знаю – любопытство теперь не даст мне покоя. И стучу по столу, давая понять, что желаю получить листок обратно.

– Я хочу знать!

– Шарлотта, пожалуйста! Эта идея – совершеннейшая глупость!

Карл мотает головой, но Бренда жестом просит его отдать листок. Она говорит сыну, что это ни к чему их не обязывает и что будет правильно, если я узнаю, на что они готовы пойти ради меня. Ее слова только распаляют мое стремление докопаться до сути, и я уже согласна пообещать что угодно, лишь бы Карл сдался, – что не стану принимать это всерьез и насмехаться над ним тоже не буду. Тем более что вряд ли можно придумать что-то более забавное, чем эта история с удочерением!

Бренда принимает мою сторону и даже заявляет, что это может помочь мне определиться с планами. Но Карл упрямо твердит, что сначала нужно поговорить обо мне и о ребенке. Листок слишком далеко, чтобы я могла хоть что-то прочесть, но некоторые слова врезались в мою память, и я предпринимаю попытку их истолковать:

– Вы хотите, чтобы я дала малышу вашу фамилию, да?

Мать и сын обмениваются взглядами, и, хотя Бренда пытается этого не показывать, я вижу, что ей по душе мое любопытство. В который раз я тянусь к листку, но Карл не дает мне его взять. Жаль... Что же там написано?

Через пару секунд он подтверждает мою догадку:

– Да. Маме очень хочется, чтобы малыш носил фамилию Эванс.

– И это все? Что же в этом глупого? История с моим удочерением намного смешнее...

Моя реакция Карла, судя по всему, успокаивает, и Бренда отталкивает его руку, лежащую поверх листка.

– Покажи ей!

Он колеблется, но я знаком даю понять, что готова, и вот наконец листок передо мной. Карл указывает на свое имя в кружке, потом на вопрос «Фамилия – Эванс?», затем ведет пальцем по стрелке, тянущейся через всю страницу, – к нагромождению записей, которые мне не удастся расшифровать. Но одно слово бросается мне в глаза: «Супружество». Улыбка исчезает с моего лица, и я с тревогой смотрю на Карла.

– Это всего лишь вариант, – повторяет он, чтобы меня успокоить. – Не настоящий брак, а юридическая уловка, чтобы упростить дело.

– Что? Ты имеешь в виду... мы с тобой? Это шутка? Я хочу сказать... А что бы это изменило?

Я перевожу взгляд на Бренду, потом снова на Карла и жду, чтобы мне объяснили суть этой нелепой пометки, начертанной кем-то в уголке листа.

– Шарлотта, говорю тебе, это просто один из вариантов! И довольно-таки дурацкий. Я думал, тебя это рассмешит.

– В этом нет ничего смешного! – спешит возразить Бренда. – Это... еще один способ сделать тебя членом нашей семьи.

– Мама, мы еще не выяснили, допустимо ли это с точки зрения закона...

Я смотрю то на Бренду, то на Карла, онемев от изумления. Карл отнимает у меня листок; впечатление такое, что мое молчание его раздражает. Вполне возможно, он и вправду ожидал, что меня это позабавит, но поскольку цель такого демарша мне непонятна, то и смеяться пока что не над чем. Листок исчезает в стопке, а Карл встает и предпринимает попытку отвлечь нас разговором на другую тему. Мой голос обрывает его на полуслове:

– Не понимаю... Это была шутка?

Никто из них не осмеливается ответить. Подозреваю, что этим молчанием Карл и Бренда дают мне понять, что вариант с заключением брака они на самом деле рассматривают всерьез. После паузы Бренда рассказывает мне, как возникла эта идея. Предложил ее их

адвокат в ответ на вопрос, как сделать так, чтобы родные Алекса смогли беспрепятственно общаться с его ребенком. Ведь если мы с Карлом поженимся, я стану полноправным членом семейства Эвансов. Сначала я, а потом и мой малыш. В свою очередь, Карл и его мать смогут видиться с ребенком на законных основаниях, не прибегая к посредничеству судебных органов. Бренда говорит о ребенке так, словно он уже родился, и обещает, что будет поддерживать нас и регулярно навещать и мы никогда ни в чем не будем нуждаться. Просто поразительно, насколько эта растущая во мне частичка надежды занимает ее мысли с тех пор, как стало известно о моей беременности!

– Шарлотта, это всего лишь юридическая формальность. Ты войдешь в нашу семью и больше никогда не будешь одинокой!

Взгляд Бренды проникает мне в самую душу, словно она пытается убедить меня не столько словами, сколько глазами. Я чувствую растерянность. Если уж говорить о крайностях, я бы предпочла, чтобы Бренда меня удочерила, нежели заставлять Карла жениться на мне, бывшей девушке его брата, но она все твердит, что это – самый простой и эффективный способ устранить препятствия, фигурирующие в моем списке.

– Ты постоянно говоришь, что у тебя нет ни средств, ни близких тебе людей. А если ты выйдешь за Карла, то получишь и деньги, и семью!

Поверить не могу... Такое впечатление, что Бренда ждет, когда я брошусь ей на шею и назову ее мамой, совсем как в третьесортном американском фильме... У меня нет слов. Да и что я могу ответить? И я обращаюсь за поддержкой к Карлу – спрашиваю, что он об этом думает и заручилась ли мать его согласием, прежде чем наводить справки у юриста.

– Нет! Нет, конечно! – отвечает он с недовольным видом, словно я его в чем-то обвиняю.

Пытаясь разрядить обстановку, Бренда снова и снова повторяет, что ничего ужасного в этом нет. И потом, это ведь будет фиктивный брак... Карл моментально краснеет, мотает головой. Он приказывает матери замолчать, обвиняет ее в том, что она на меня давит, хотя я еще не приняла окончательного решения. Напряжение между ними с каждой секундой растет: Бренда вскакивает и заявляет, что Карл не хочет помочь ей меня убедить, что речь идет о жизни не рожденного еще малыша, а потом разражается рыданиями. Сквозь слезы она шепчет, что ему пора простить Алекса, что у Карла нет никакого права его ненавидеть и что ребенок не имеет к той истории никакого отношения. Слезы катятся по щекам Бренды, ее слова продиктованы печалью, которая все никак не отпускает. В конце концов Карл подходит к матери, шепчет, что не хотел ее расстроить и что это не имеет отношения к его конфликту с Алексом. Просто он хочет, чтобы я сама приняла решение и потом о нем не жалела – это очень важно.

Я испытываю неловкость оттого, что оказалась здесь в такой момент и стала свидетельницей размолвки между матерью и сыном. Я отворачиваюсь и молюсь про себя, чтобы Карлу удалось успокоить Бренду. Я знаю, что ссорятся они из-за меня и хватило бы двух-трех моих слов, чтобы это прекратить. И вот, не раздумывая, я говорю:

– Я согласна, Бренда. Я оставлю ребенка.

Она вздрагивает, и в кухне повисает напряженное молчание. Мать и сын поворачиваются ко мне, и у меня возникает чувство, будто ни он, ни она не поняли, что я только что сказала. Мне самой кажется, что произнести это вслух я могла разве что во сне, но три взмаха ресниц – и Бренда неуверенно переспрашивает:

– Ты хочешь сказать?..

– Да.

Может, умнее было бы просто встать и уйти, но я больше не хочу чувствовать себя виноватой в чьих-то страданиях. Мне хватает собственных. Бренда подбегает ко мне, порывисто обнимает и плачет, но теперь уже от радости. Страх по-прежнему давит мне на плечи,

и все-таки я решаюсь впустить в себя надежду, которой Бренда так жаждет поделиться. Но достаточно ли этого? Смогу ли я когда-нибудь почувствовать себя такой же счастливой, как она сейчас?

«Алекс, умоляю, дай знать, что я поступаю правильно! Ты мне так нужен...»

Глава 6

Семейные узы

Я дожидаюсь Жана возле кофеварки, извергающей из себя напиток, который я так люблю. Я наблюдаю за тем, как кофе струйкой стекает в чашку, и размышляю, с чего начать разговор. Вчера вечером я просто позвонила Жану и сказала, что нам нужно кое-что обсудить. По словам Карла, скоро я стану совладелицей «Motorama», другими словами, мы с Жаном будем партнерами. О деятельности фирмы я ничего не знаю и даже представить не могу, что от меня может понадобиться, но зато у меня на руках список документов, которые я должна попросить у Жана, чтобы можно было оценить стоимость моей доли.

Кто-то тихонько стучит во входную дверь, и я иду открывать, попутно проверяя, запахнуты ли полы моего пеньюара.

– Я тебя разбудил? – спрашивает Жан с порога.

– Нет. Просто мне не захотелось переодеваться.

Я поворачиваюсь к нему спиной, чтобы разлить кофе по чашкам. Правда, одну чашку я наливаю до половины.

– Ты еще не перестала пить кофе? – спрашивает Жан.

– Нет.

– А как... как же ребенок?

– Если я не буду пить кофе, то сойду с ума, – резко заявляю я.

В ответ – молчание. И потом, это ведь не его дело, что я пью. Я только-только похоронила Алекса и не могу залить горе бутылкой виски, даже если бы мне этого хотелось. Но отказаться еще и от утреннего кофе – нет, это выше моих сил!

Жан кладет на стол коричневый пакет и вынимает булочки, при виде которых я вспоминаю о том, что голодна. Я спешу устроиться на привычном месте и хватаю булку, но не успеваю поднести ее ко рту, как он произносит:

– Шарлотта, нам все равно придется поговорить... ну, о ребенке.

– Потом!

Жан изумленно наблюдает за тем, как я уплетаю сдобу. Наконец я вытираю губы и улыбаюсь ему:

– Очень вкусно, спасибо!

Похоже, Жан не очень доволен моим настроением, поэтому я меняю стратегию и перехожу прямо к делу:

– Послушай, последние пару дней я много времени провела с Эвансами... В общем, я решила переехать в квартиру, в которой жил Алекс. Вчера мы с Брендой уже начали собирать вещи. Я отложила для тебя кое-что из одежды и... мотоциклетные принадлежности.

Его удивленный взгляд, кажется, пронзает меня насквозь.

– Ты переезжаешь в квартиру Алекса? И когда, интересно, ты приняла это решение?

– Вчера. Его квартира больше, чем у меня, и место более удобное. Будет легче добираться до работы.

Я не упоминаю о том, что у Бренды чуть не случился инфаркт, когда она увидела мое крошечное двухкомнатное жилище, и она твердо решила, что не уедет домой, не убедившись, что я переехала в квартиру Алекса и окружена всеми возможными удобствами. Когда же я заикнулась, что могу пожить у себя до родов, чуть не дошло до Третьей мировой. Мы с Брендой спорили больше часа. Думаю, она решила, что я беспокоюсь из-за денег. Ведь сколько бы она ни твердила, что мне больше не нужно о них думать, это сильнее меня – я-то

знаю, что квартира Алекса мне совершенно не по средствам! Жан тоже не упускает случая об этом напомнить:

– Ты уверена, что твоей зарплаты официантки хватит на то, чтобы выплачивать ипотеку, которую взял Алекс?

– Я прекрасно понимаю, что не хватит! Это Бренда настаивает на переезде. Она говорит, что теперь у меня достаточно денег, чтобы платить за квартиру Алекса. Завтра мы едем к нотариусу подписывать бумаги. Все, что было у Алекса, они отдают мне. Говорят, что это будет справедливо, потому что мы с ним собирались пожениться...

Конец фразы повисает в пространстве. А правильно ли это, в конце концов? Я не могу ответить на этот вопрос, но стоит Жану открыть рот от удивления, как я спешу спросить:

– Что-то не так? Ты против?

– Конечно я за! Просто удивился. Значит, и магазин мотоциклов тоже...

– Ну да. Мы с тобой будем партнерами. И, раз уж об этом зашла речь, у меня к тебе просьба...

Я рассказываю ему о документах, с которыми хочет ознакомиться Карл до отъезда. Реакции Жана долго ждать не приходится: он роняет едва надкушенную булку на тарелку и бормочет:

– Если хочешь, я могу попробовать выкупить твою долю...

Я поджимаю губы и повторяю слова Эвансов: с решением лучше подождать несколько недель и предварительно провести аудит предприятия, узнать его реальную стоимость... Карл настаивает, чтобы я стала акционером: если компания рентабельна, возможно, впоследствии я смогу получать свою долю прибыли.

Если бы Алекс написал завещание, не предпочел бы он передать свою долю в «Motorama» Жану? В отличие от него, я ничего не понимаю в мотоциклах. И вряд ли смогу забыть, что одна из этих дьявольских машин повинна в гибели моего Алекса. Надо же, чтобы все сложилось так несчастливо – дождь, неудачный вираж, не по правилам припаркованный грузовик...

Подавляя чувство неловкости по отношению к Жану – как будто я что-то у него краду! – я перескакиваю на безобидную тему:

– Поговорим об этом потом, о'кей? А пока поможешь мне с переездом?

– А тебе не будет тяжело жить в той квартире? Воспоминания и все такое...

Я морщусь, мотаю головой:

– Справлюсь. Мне придется привыкнуть.

По правде говоря, перспектива остаться одной в этой квартире меня пугает, но я всегда боялась одиночества. Алекса больше нет, и какая разница, где я буду жить – тут или там? Пока в квартире есть Карл или Бренда, мне вполне комфортно, а что будет, когда они уедут к себе, в Англию? Даже не представляю и, честно говоря, предпочитаю об этом не задумываться.

– Это хорошая идея, – соглашается Жан. – Там не две комнаты, а три – это на случай, если ты задумаешь оставить ребенка...

– Я тебе еще не сказала? Я его оставляю.

– Вот как? Ты уже все решила?

– Да. Вернее, в общих чертах... Бренда, понятное дело, очень обрадовалась. И теперь у нее масса планов относительно обустройства квартиры. А еще она хочет, чтобы мы с ней подписали что-то вроде контракта, чтобы она с моего позволения могла видеться с внуком...

Жан бросает быстрый, настороженный взгляд в мою сторону:

– О каком контракте идет речь?

– Лучше не спрашивай! – со смехом отвечаю я. – Вчера после обеда я просидела с адвокатом часа три, не меньше. Эти люди ничего не оставляют на волю случая!

– Они создают для тебя проблемы? У меня приятель – адвокат, так что если понадобится...

– Я совсем не это имела в виду. Ты только представь: чтобы я чувствовала себя защищенной, Бренда предложила мне выйти замуж за Карла. Я совсем одна, вот она и решила, что это прекрасная мысль – принять меня в семью на законных основаниях. И что мне так будет спокойнее...

И я перечисляю самые важные пункты нашего соглашения: в обмен на ежемесячную ренту и наследство Алекса я должна пообещать, что Бренда сможет видеться с внуком от двух до четырех раз в год и что в случае моего повторного замужества мой ребенок не будет усыновлен моим новым супругом.

Жан смотрит на меня озадаченно, потом его брови ползут вверх:

– И что все это значит? Ты должна теперь выйти замуж за этого типа?

– Скажем так: мы это обсуждаем. Но Бренда настаивает. Ты бы только ее слышал! Для нее это просто идея фикс...

Главное, что я вынесла для себя из нашего с мэтром Бушаром разговора, – это что у моего ребенка будет настоящая семья: у Бренды есть родная сестра, племянник, две племянницы и двоюродные братья и сестры, то есть целая толпа родственников. В отличие от меня, у которой нет никого. Так что, если со мной что-то случится, я могу быть уверена, что о ребенке будет кому позаботиться. И, по крайней мере, он не останется один на белом свете. Как я когда-то...

– Они предложили тебе деньги, чтобы ты его оставила?

– Нет. Ну, что-то в этом роде... Они пообещали, что будут мне помогать.

– И ты согласилась?

– Ты о замужестве? Нет, пока нет. Скажем так – мы это обдумываем.

– Вот и отлично! Шарлотта, у этих людей полно денег. А ты собираешься произвести на свет единственного ребенка Алекса, ведь других у него уже никогда не будет! И они должны с этим считаться.

Слова Жана меня шокируют, и я устремляю на него сердитый взгляд.

– По-твоему, они что-то мне должны? Они и так отдали мне все, что было у Алекса! И это несмотря на то, что мы с ним даже не были женаты. Я вообще понятия не имею, хотел ли он этого ребенка!

– Не говори глупостей! Алекс тебя обожал! И будущим летом вы планировали пожениться...

Я молчу, боясь заплакать. Алекс умер, и кто бы что теперь ни говорил, это будут чистейшей воды домыслы. И вообще, кто может сказать, как бы все было, если бы Алекс выжил? Захотел бы он этого ребенка? Могло случиться так, что мы бы с Алексом поссорились и расстались еще до свадьбы. Как знать? Все кажется мне таким запутанным с тех пор, как Алекса не стало... Он больше не сможет меня утешить, сказать, что мы созданы друг для друга и всю жизнь будем вместе. Доказательство – то, что земля вертится и я все еще тут. А Алекс – нет.

Жан настоятельно просит показать ему составленный Эвансами договор. Я встаю, беру со стола папку с документами и передаю ему. Он с головой уходит в чтение, как будто речь идет о чем-то сверхважном, а закончив, потрясенно смотрит на меня:

– И ты отказалась от четырех тысяч долларов в месяц?

– Речь шла о четырех тысячах фунтов. Пока еще не отказалась. Я думаю.

– Ты с ума сошла! Зачем отказываться от таких денег?

– Жан! Это не мои деньги. Мы с Алексом даже не жили вместе!

И тут он говорит то же самое, что вчера раз десять произнес при мне адвокат: это прекрасное предложение, и мне следует его принять, потому что я должна думать о своем

ребенке. Взамен Бренда просит, чтобы я поддерживала родственные отношения с их семьей, согласилась приезжать на Рождество к ним в Англию и на то, чтобы ребенок получил фамилию Эванс.

– И ты отказалась? Шарлотта, эти люди богаты! Очень богаты! И ты должна о себе позаботиться.

Я снова сердито смотрю на Жана. Неприятно, что он думает сейчас только о деньгах.

– Эвансы хотят, чтобы я стала частью их семьи, и для меня это – единственное, что имеет значение. Бренда слишком щедра ко мне. И она еще не оправилась после потери сына...

– Ты – простая официантка в кафе, ты не забыла? И не сможешь заботиться о ребенке, если тебе некому будет помогать. Конечно, я сделаю все, что смогу, но... Шарлотта, они предлагают столько, что тебе и во сне не могло присниться! Ты просто не можешь от всего этого отказаться!

Я хмурюсь. Вчера вечером я выслушала от Бренды то же самое раз двадцать, не меньше. Ну почему они не могут понять, что все деньги мира не вернут мне Алекса? И что в данный момент ребенок – последнее, что меня волнует... Опасаясь, что мы проговорим об этом весь день, я заявляю Жану то же самое, что вчера ответила Бренде – что я об этом подумаю. А что еще я могу сказать? И как они могут быть уверены, будто знают, что для меня хорошо, в то время как я сама не имею об этом ни малейшего представления?

После ухода Жана проходит не меньше часа, когда я снова слышу стук в дверь. Честно говоря, я никак не ожидала увидеть на пороге Карла, да и он явно смущен тем, что застал меня в пеньюаре.

– Привет! Я тебя разбудил?

– Что? А, нет конечно! Входи! Кофе хочешь? Я как раз собиралась поставить...

Он отвечает согласием, и, закладывая в кофемашину половину порции, я думаю только о том, что Карл наверняка сделает мне замечание, если я и себе налью чашечку. Тем временем он присаживается к столу, и мои опасения не оправдываются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.